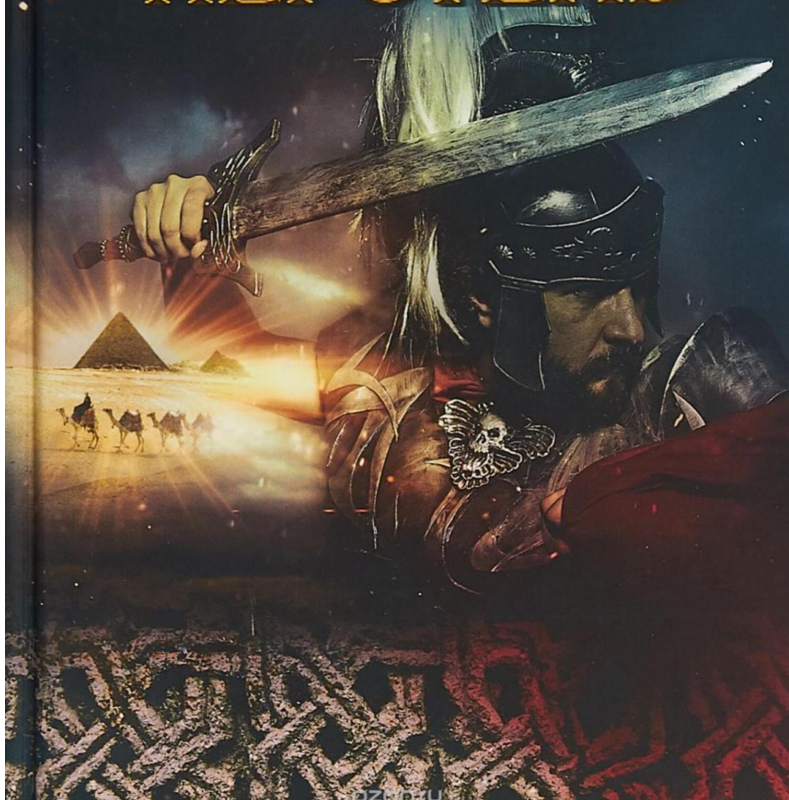

Георгий Григорьянц
**ДРАКОНИЙ
ПЕРСТЕНЬ**

Георгий Григорьянц Драконий перстень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42626792

SelfPub; 2024

Аннотация

Десять римских легионов сокрушают Кавказ. Царь Армении Тигран II Великий находит способ избежать разорительного нашествия. Среди прочего он прибегает к силе магического талисмана Драконий перстень. Его обладатель получает богатство, удачу и власть, но в придачу сомнения, трепет, сильные страсти и ужасную смерть. Влияние опасной магии испытывают на себе незаурядные личности античного мира: Помпей, Красс, Цезарь, Антоний и Клеопатра.

Содержание

Глава 1. Амазонки атакуют	4
Глава 2. Смысл поступков	24
Глава 3. Камень цвета тлеющих углей	38
Глава 4. Магия зеленого колдуна	52
Глава 5. Туманное пророчество	67
Глава 6. Мистическая сущность государства	83
Глава 8. Во власти иллюзий	110
Глава 9. Мавзолей Александра	128
Глава 10. Коварное египетское солнце	140
Глава 11. Подняться до уровня богов	154
Глава 12. Свиток творца и чудовище Ама	168
Глава 13. В Армении происходят странности	186
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Георгий Григорьянц

Драконий перстень

Глава 1. Амазонки атакуют

В лучах заходящего солнца древний город Арташат, погружаясь в безмятежность неги и мир причудливых грез, окрасился в багрово-золотистые тона. Медленно остывая от дневного зноя, столица царства Великая Армения засыпала.

К храму армянской богини Анаит приблизились три женские фигуры – сгорбленные и мрачные, в просторных грязно-серых плащах-гиматиях. Край плаща каждой наброшен на голову, скрывая лицо. Опираясь на посохи, они ковыляли к входу в храм, куда в это вечернее время стекались для лечения больные и убогие. Врачевание начиналось с обряда очищения – страждущих окуривали специальными благоуханиями, а потом жрецы всех укладывали спать прямо на каменные плиты святилища, чтобы утром выслушать рассказ о сновидениях больных и назначить лечение.

– Меня зовут Каринэ. Вы можете прилечь у алтаря, – обратилась к женщинам жрица после завершения обряда, указывая на возвышение с жертвенником.

Одна из пришедших приблизилась к позолоченной бронзовой статуе богини Анаит и, выпрямившись, подняла го-

лову, устремив взгляд на ее руку. Богиня – величественное изваяние – стояла на пьедестале и держала в поднятой правой руке жезл с парой отшлифованных камушков горного хрусталя. Сбросив с себя плащ, женщина, молодая, красивая, с золотистыми волосами, в доспехах и с оружием, холодно взглянув на жрицу, направилась к статуе богини. Каринэ всполошилась:

– Ты кто? Что тебе нужно?

– Не мешай, и все останутся живы, – невозмутимо ответила женщина-воин.

– Ты амазонка! – воскликнула жрица. – Мужеубийца!

– Я пришла забрать то, что мне нужно.

Амазонка кивнула своим спутницам, также молодым и сильным девушкам, и те, сбросив плащи, подбежали к статуе и ловко сцепили кисти рук. На сомкнутые ладони вскочила их предводительница, и ее подняли вверх. Схватив жезл, она спрыгнула на пол и попыталась бежать к выходу. Внезапно двери храма с шумом закрылись. Пространство с колоннами, освещаемое светильниками с касторовым маслом, заполнилось жрецами – мужчинами и женщинами. На встревоженных лицах читалось: произошло что-то ужасное.

– Остановись, верни жезл! – закричала Каринэ. – Он реликвия храма!

– С дороги! – амазонка достала из ножен короткий меч.

– Храм не позволит тебе выйти наружу с этой вещью, – твердо произнесла Каринэ.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Воительница-амазонка, спокойно заложив жезл за пояс, приготовилась атаковать первой. Жрецы-мужчины вооружились длинными палками. Предводительница амазонок (ее звали Калестрида), издав устрашающий рев, набросилась на одного из них. Жрец, сделав оборонительное движение, тут же перешел к атаке, не подставляя деревянное оружие под лезвие клинка. Не стремясь нанести увечье, он заблокировал движение меча и ждал – возможно амазонка передумает драться. Другая воительница метнула короткий дротик – поразить жреца-раба, но тот отбил его в полете. Третья амазонка, самая молодая, ринулась на одного из защитников с топориком, но тут же дубинка обрушилась на ее голову. Жрецы явно контролировали ситуацию, не причиняя противнику вреда.

Калестрида получила сильный удар тычком в грудь, у ее подруги в ходе атаки сломался бронзовый клинок. Калестрида попыталась рассечь мечом голову противника, но жрец отбил меч и острым концом палки расцарапал ей лицо. Амазонка отпрянула, но проведя обманный прием, ранила жреца. Его место немедленно заняла Каринэ. Работая палкой стремительно и энергично, она выбила меч из руки Калестриды, а от летящего боевого топорика увернулась.

– Ты отважная женщина, – крикнула жрица, – но никому не позволено красть в храме!

– Мне нужна эта вещь! Уйди с дороги!

Жрецы, полные решимости отстоять реликвию, пошли в атаку. В умелых руках палки превратились в грозное оружие. Один из служителей храма, ударив подругу Калестриды в колено, сломал ей ногу. На другую женщину, самую молодую из амазонок, сверху, со свода храма, упала сеть, и, запутавшись в ней, девушка рухнула на камни пола. Яростная схватка продолжалась только между Каринэ и Калестридой, но поражение амазонки было предрешено. Каринэ обманным движением изобразила замах, соперница защитилась дротиком, а жрица молниеносно ткнула острым концом палки ей в горло, и вонзила бы неминуемо, но... амазонка застыла, устремив взор на палку. Шумно дыша, она глянула на поверженных подруг и, бросив дротик, подняла руки:

– Я сдаюсь!

Ее обступили жрецы: кто-то забрал жезл, кто-то связал веревкой. Калестрида посмотрела с недоумением на статую богини Анаит. Амазонки в этой скульптуре признавали свою богиню-покровительницу Артемиду – осязаемое воплощение женщины-воина. Предводительница нападавших горестно произнесла:

– В нашем храме богини Артемиды я принесла в жертву четырех чужестранцев. Почему же богиня сегодня оставила меня?

– Богиня Анаит – покровительница Арташата, – сухо сказала Каринэ. – Она не допустит великую несправедливость в своем храме. Ты зря сюда пришла, тебя ждет бесславный

конец.

Жрецы и жрицы, собравшись вокруг статуи, упали на колени и воздели руки к небу:

– О великая мать, богиня Анаит, заступница и кормилица народа, могущественная и целомудренная госпожа наша! Тебе возносим молитву со словами благодарности за помощь. Впредь дари людям любовь и плодovitость, будь нашей защитницей, славой и животворящей силой!..

В храм вошли служители порядка, возглавляемые Кухбаци, начальником службы безопасности царя. Жрецы, встав с колен, почтительно поклонились.

– Нападение на храм – серьезное преступление, – произнес Кухбаци, – а похищение реликвий может привести к непоправимым последствиям, поэтому карается смертной казнью. Увести преступников!

Двух воительниц, связанных и обезоруженных, вывели из храма, а третью, со сломанной ногой, положили на щиты, скрепленные копьями. Солдаты водрузили ношу на плечи и унесли.

Царство Великая Армения восстанавливалось после первой ожесточенной войны с Римом. Недавнюю войну, подчиняясь общему стремлению граждан Римской республики грабить, разделять и властвовать, развязал и бездарно вел, не слушая своих советников, главнокомандующий армией Лициний Лукулл. Ущерб Армении был нанесен значительный,

но страна после победы в войне быстро возродилась, продолжая стремительно развиваться. Шел 2426 год по древнеармянскому календарю или 66 год до нашей эры.

Царь Великой Армении Тигран II в покоях арташатского дворца разговаривал с приближенными.

– Откуда прибыли эти воительницы? – острый взгляд царя остановился на советнике Евсевии.

– Великий канон (властитель – *арм.*), племя амазонок обитает где-то в северных предгорьях Кавказских гор, – ответил старый, умудренный опытом армянский философ и историк. Ему царь доверял все свои тайны.

– Государь, многие считают, что амазонки – миф, – сказал Метродор, греческий ученый, покинувший Афины с тех пор, как Рим захватил Грецию, и ставший советником царя. – Но они существуют! Мифы, повествующие о них, вовсе не вымысел.

Тигран читал Геродота и знал, что эллины не раз воевали с амазонками в Малой Азии.

– Амазонки и албаны родственны, – добавил Метродор.

Лицо Тиграна, одухотворенное и царственно спокойное, но скрывающее за маской спокойствия жизненную энергию, выражало несокрушимую волю и работу мысли, самообладание и внутреннюю дисциплину. Он в раздумье прошелся по залу со стенами из серого базальта и необыкновенной резбой по камню. Лучшими в мире резчиками по камню считались армяне: их приглашали для украшения дворцов и хра-

мов по всему миру, в том числе в Рим, Иерусалим и Антиохию.

Тигран сердито спросил:

– С каких это пор албаны стали заниматься грабежом и нападать на наши храмы?

Албаны – собирательное название народов Кавказа, придуманное греками. На горных склонах обитало много племен: гелы, леги, кадусии, амарды, утии, аланы и другие, а самым могущественным и многочисленным было племя каспиев, давшее название Каспийскому морю. Имелись сведения, что амазонки когда-то были женами кочевых албанов.

Кухбаци, начальник службы безопасности, проронил:

– Давно горцы не нападали на земли твоего царства, государь.

Царь недоумевал:

– Что же такое случилось, если одно из племен, пусть и излишне воинственное, напало на мою столицу, да еще попыталось украсть из храма реликвию?

Подойдя к окну, из которого открывался величественный вид на Арарат, священную гору (на ее вершине обитают армянские боги), он продолжал размышлять над ситуацией. Ему уже семьдесят три: боги даровали долголетие. Поседевшие волосы украшены белой головной повязкой со свободно свисающими сзади концами. Такую ленту – символ предводителя нации – носили все цари античного мира, красной же лентой венчали победителей спортивных соревнований.

Видимо, ожидая духовного просветления, правитель смотрел на гору, и озарение снизошло. Царь повернулся к приближенным. Его пронзительный взгляд даже в пожилом возрасте оказывал магическое действие на каждого, кто с ним общался. Евсевий понял: царь знает ответ.

– Я вам никогда не рассказывал об этом предмете – жезле. Его пытались вчера похитить, – произнес Тигран. – Тайну никто не должен был знать. Это египетская святыня – жезл Сехем. По преданию, боги вручили его царям Египта, чтобы даровать созидательную энергию. Обладатель жезла воплощает власть в этой стране.

– Дубинка, скорее даже лопатка, с парой глаз из стекла? – удивился Евсевий.

– Посох властителя! – царь укоризненно посмотрел на ученого. – А еще ключ к тайнику. Я поместил святыню в храм под охрану богини Анаит. Как видно, богиня хорошо охраняет реликвию от посягательств. Давайте присядем, я расскажу.

Египет, 14 лет назад.

В дворец фараона ворвалась разъяренная толпа жителей Александрии. Сметая на своем пути стражу, народ устремился в покои властителя. В тронном зале, ослепляющим своим великолепием, на золотом троне сидел, держа в руках скипетр Нехех (плеть как знак власти), испуганный Птолемей XI с накладной бородкой. Малый трон царицы был пуст.

Озлобленные люди несли на руках тело женщины – царицы Египта. Фараон-грек, правивший всего девятнадцать дней, с ужасом смотрел на разгул беспорядков. Он был прислан Римом править этим государством, потому что республика считала полезным посадить на трон своего протеже.

Толпа остановилась. Наиболее активный погромщик, египтянин в красном, выкрикнул:

– Зачем ты убил нашу любимую царицу?

– Я не убивал! – в полной беспомощности завопил Птолемей.

– Где жезл Сехем?

– Я не знаю!

Египтянин в красном обернулся, устремив взгляд на скрывающегося за колонной верховного судью, высокого человека в платке немес с черными и белыми полосами. Тот кивнул. Египтянин заорал:

– Смерть убийце!

К фараону бросилась толпа. Его стащили с трона и за ноги поволокли на площадь перед дворцом, чтобы растерзать.

– Последний раз спрашиваю: где жезл Сехем? – египтянин в красном с глазами навывкат бежал рядом, жадно наблюдая, как гибнет владыка, небожитель Египта.

Тронный зал опустел, только на плитах пола среди колонн цвета папируса лежал труп престарелой царицы, теперь никому не нужной.

У трона сошлись четверо: главный министр, верховный

судья, военный министр и начальник дворца, все в белых длинных туниках и в льняных головных уборах немес, все греки, кроме египтянина полководца Ахиллы. Голубые и белые полосы на платке мог иметь только фараон, поэтому остальные, строго соблюдая церемониал, носили свой цвет.

Главный министр в платке с золотистыми и белыми полосами сказал:

– У нас больше нет царя, как нет в стране мужского потомства Птолемеев.

Военный министр в немес с красными и белыми полосами воскликнул:

– Есть претендент, в жилах которого течет кровь Птолемеев! Он не имеет отношения к римлянам, что хорошо. Воспитан молодой человек царем Армении Тиграном и дожидается своего часа в Сирии.

– Надеюсь, он будет покладист и женится на Трифаене, – высказал свое мнение верховный судья в черно-белом платке.

– Итак, у нас есть царь, и имя его Птолемей XII, – подытожил толстый и надменный начальник дворца в немес с зелеными и белыми полосами.

– Но где же жезл Сехем?... – верховный судья смотрел на соратников с озабоченным видом.

Жезл Сехем, означающий идею власти и мощи, являлся ключом к тайнику, где хранился предмет вожеления правителей всех царств. Мир говорил об этом предмете с приды-

ханием и называл его Свитком творца. Созданный богом Тотом (египтяне верили, что Тот являлся творцом мира), свиток включал собрание заклятий и магических формул, позволяющих любому стать великим провидцем.

Тигран остановил рассказ и задумчиво посмотрел на мудрецов, сидящих напротив в жестких креслах с прямыми деревянными спинками.

Метродор с сомнением спросил:

– Тексты, дающие и мудрость, и знания, и силу? Не слышал о таком.

Царь рассеянно взглянул на него:

– Не забывай, я иногда общаюсь с богами и знаю о чем говорю.

– Как же жезл Сехем оказался в Армении? – недоуменно спросил Евсевий.

Рассказ царь продолжил.

Процессия во главе с армянским царем Тиграном II и будущим фараоном Египта Птолемеем XII, имеющая в своем составе десять боевых слонов, до тысячи всадников и сотню верблюдов, груженных золотом, серебром, тканями и пряностями, вошла в пределы Египта из Сирии. Тигран, покорив Сирию, правил этим государством мудро, и оно процветало, обгоняя в развитии все страны Востока. Один из слонов тянул колесницу с небольшой золотой статуей Александра Ма-

кедонского. Уже триста лет, как Египет был завоеван греками, и Тигран учитывал это обстоятельство в своих дипломатических делах.

Рядом с царем ехали его сановники. Меружан, полководец, сказал:

– Государь, не узнаю Египет: все в упадке. Новому фараону поможет только чудо.

– Египту не поможет уже никакая магия, – грустно заметил Гнуни, главный казначей царя.

Греческое правление этим царством не лучшим образом отразилось на религии, языке и искусстве; кроме того, начался развал страны: торговля и производство находились в глубоком упадке.

– Дорогой Гнуни! – сказал Тигран. – Как Нил вечно несет свои воды к морю, так и Египет нацелен в вечность. Эта страна обладает выдающимися знаниями. В Египте находятся истоки всех магических искусств и научных фактов.

Гнуни торопливо заметил:

– Некоторым цивилизациям удастся просуществовать тысячи лет, однако рано или поздно любая из них погибает, а место погибшей цивилизации тут же занимает следующая.

– Гнуни, это твое мнение, – царь посмотрел на него укоризненно. – Вот я верю, что армянская цивилизация будет жить вечно...

Возведение на трон девятнадцатилетнего Птолемея было пышным. На пиру в честь обретения страной царя, где при-

существовала вся знать Александрии, Тигран сказал:

– Мой долг – способствовать тому, чтобы Египет поднялся до высочайшего уровня развития. Так хочет верховный бог армян Арамазд. Он возвестил мне: Египет – ключевая страна на земле, задающая ритм жизни всему миру уже четыре тысячи лет.

Египетские министры, фактически управлявшие страной, были довольны и улыбались. Еще бы! Молодой фараон не собирается вмешиваться в дела управления, казна пополнилась за счет армянского золота, а Великая Армения стала надежным союзником в борьбе с Римом, имеющим виды на Египет.

Со своего места поднялась Трифаена, дочь убитой царицы. Она предстала перед публикой в образе богини Исиды – повелительницы жизни. Ее прическу венчал золотой головной убор «трон» с намеком на то, что именно она представляет престол новому фараону. В красном плиссированном калазирисе (длинный узкий сарафан, плотно облегающий тело) и легком, окутывающем словно дымка, плаще, с амулетом из сердолика и яшмы под названием Узел Исиды, она выглядела как властительница магических сил, вызывая трепет окружающих. Когда же заговорила резко и громко, повеяло холодом.

– Царь Великой Армении должен не забывать: вовлекая в сферу своего влияния великий Египет, он приобретает много преимуществ, ведь Египет – страна, где напрямую обща-

ются с богами. Но мы никому не позволим учить нас как жить!

После этой речи у Тиграна остался неприятный осадок. Когда он с царедворцами вошел в роскошные покои, отведенные ему в египетском дворце, то сказал:

– Она холодна и опасна, как египетская кобра.

Гнуни пошутил:

– От ее дурного глаза даже камни трескаются...

Раздался скрежет камня. Все вздрогнули. Царь обнажил меч, Меружан и Гнуни с клинками в готовности к бою встали перед ним. Плита в стене с изображением египетского божества отъехала назад, и в проеме появился мальчик лет десяти в набедренной повязке, льняной коричневой рубахе и накинутой на плечи леопардовой шкуре.

– Не бойтесь! – мальчик поднял ладони, показывая, что не вооружен. – Мне пришлось пройти тайным ходом. Никто не должен знать о нашей встрече. Я верховный служитель Великого храма в Мемфисе, главный египетский жрец.

Тигран крайне удивился, как и его приближенные.

– Ты высший жрец этой страны?

– Да, государь! Я Пшериниптах, – мальчик поклонился.

– Мне говорили, что Пшериниптах – верховный жрец Египта, но я не ожидал увидеть ребенка. Слушаю!

– Этот разговор не для чужих ушей.

Тигран, вложив меч в ножны, кивнул царедворцам, они вышли.

– Великий Тигран, – начал жрец, – силы зла хотят завладеть этим, – он вытащил из складок одежды странный предмет, царь ранее его никогда не видел.

– Что это?

– Жезл Сехем, – ответил жрец, – символ власти и мощи Египта. Чтобы никто не мог прервать правление фараона, заberi его. За ним охотятся враги Египта. Жезл может помочь правителю в безвыходной ситуации.

Тигран взял в руки предмет и осмотрел его. Особого трепета бронзовый жезл в форме маленькой лопатки с геометрическим узором и двумя голубыми отшлифованными камнями горного хрусталя на утолщении, не вызвал.

– Странная вещица, – сказал царь.

– Жезл – ключ к тайнику, где хранится самая важная в мире вещь – Свиток творца. С его помощью можно постичь язык и письменность всех народов, получить власть над природой и людьми, по сути, встать вровень с богами при жизни.

Мифы Египта повествовали: бог мудрости Тот, пользовавшийся в этой стране наибольшим авторитетом среди богов, создал людей, управлял временем и изобрел письменность. Он записал всю мудрость мира на свиток, имеющий великую магическую силу. Этот предмет давал полные знания по математике и астрономии, позволял обрести совершенный дух и необыкновенный разум. Статуи многих фараонов держат в руках два цилиндра (свернутые свитки), один из них Свиток творца (земная власть), другой – Книга мерт-

вых, свиток с каноническим текстом заклинаний (они нужны умершему фараону, чтобы занять свое место среди богов).

Тигран слышал о свитке, но тайник до сих пор не найден. Жрец опустил глаза в пол:

– Свиток в Александрии, под храмом Серапеум.

Александр Македонский возвел город Александрию в дельте Нила, где зародилась египетская цивилизация, над катакомбами, древнейшим культовым центром Египта. Вход в катакомбы обозначен храмом Серапеум. Тигран подумал: «Это похоже на правду, но существует ли вообще Свиток творца, вот вопрос?»

Мальчик, прочитав его мысли, сказал:

– Как капля дождя может быть началом наводнения, так длина ума разрушает горы. – Он поклонился: – Пора уходить. Если узнают о нашей встрече, мне не избежать смертельной опасности... Научись смотреть и видеть!

Жрец вошел в проем стены, каменная плита со скрежетом встала на место. Тут же в зал ворвались Меружан и Гнуни.

– Государь, все в порядке?

– Да, Меружан, все в порядке, – ответил царь, пряча жезл в карман плаща. – Египет – это тайна, и постичь ее может только ведомый богом...

Царь Тигран, завершив рассказ, невольно взглянул через окно арташатского дворца на Арарат. Раздался голос Евсевия:

– Государь, четырнадцать лет назад ты возвел на трон Египта Птолемея XII, когда юноше было девятнадцать. Зачем?

Тигран внимательно посмотрел на философа, своего учителя:

– Нельзя было дать шанс Риму подчинить Египет себе.

Египет стал блестящим триумфом Тиграна. После обширных завоеваний он хотел контролировать и эту страну, чтобы она не подпала под политическое и военное влияние Рима, иначе божественные и магические традиции либо умрут, либо станут служить римлянам, а у Великой Армении совсем не останется союзников.

Птолемей ребенком попал к Митридату и до двенадцати лет рос при понтийском дворе вместе с царскими детьми. Как это случилось? Однажды Митридат захватил в плен трех братьев, в них текла кровь греческих Птолемеев. Он вырастил и воспитал их, чтобы потом посадить одного из них на трон Египта. Старший сбежал к римлянам и стал Птолемеем XI. Толпа египтян растерзала его на девятнадцатый день правления. Двое других оказались в Армении. Теперь один правил Египтом, а второй, слабый и нерешительный, Кипром.

Метродор с иронией проговорил:

– Птолемея XII египтяне презрительно прозвали Авлетом (Флейтист). Он, помимо беспутного образа жизни и расточительства, соревнуется с музыкантами в игре на флейте. Пло-

хо же воспитал его Митридат!

– К сожалению, это так, – подтвердил Тигран. – А еще он ловко показывает фокусы и разбирается в магии.

Образ жизни Птолемея был далек от высоких идеалов нравственности, но он – ставленник Тиграна и не так прост, как казался. Его предшественник удержался на троне меньше месяца, а флейтист правил уже четырнадцать лет. Ходили слухи, что растерзанный фараон перед смертью завещал Египет римскому народу. Но кто же пишет завещание на девятнадцатый день правления? В Риме явно изготовили завещание-фальшивку.

Кухбаци вдруг предположил:

– Государь, а нет ли связи между кражей жезла и правлением египетского царя?

Тигран задумался, анализируя ситуацию. Рим хочет воспользоваться фальшивым завещанием и подбирается к Птолемею XII, чтобы сделать Египет своей провинцией и получить доступ к чудесам и богатствам страны. Римляне достоверно знают, что прямая связь с богами сегодня, когда разрушен Вавилон, возможна только в Египте и Армении. Об этом обмолвился Юлий Цезарь на встрече с братом армянского царя Гурасом. Правда, фараон мог бы откупиться: Египет богатая страна.

Возможен еще вариант. Нашелся заинтересованный в смещении фараона претендент на трон, например беглый Антиох XIII, сын недавно казненной Тиграном сирийской

царицы Селены. В нем течет кровь Птолемеев. Несколько лет назад армяне разбили войско Антиоха. Тот, чтобы воцариться в Сирии, нанял кочевников, пообещав им плодородные земли, и набатеев, предложив им торговые пути из Аравии к Средиземному морю. Он вполне мог нанять амазонок выкрасть жезл. Однако Рим его притязаний не поддержит: юноша хочет заявить права на объединение царств Селевкидов и Птолемеев.

А как насчет жены Птолемея, царицы Трифаены? Она же является его соправителем. Жена серьезный фактор. Плохая жена мечтает сломать мужа, чтобы казаться умнее и безраздельно править, неважно чем – семьей или царством. Трифаена своим видом и действиями внушает отвращение. Властная, подозрительная, злая...

Царь твердо сказал:

– Думаю, реликвию, которую попытались украсть амазонки, пожелала заполучить Трифаена. Нужно принимать меры!

Евсевий с неподдельной тревогой в голосе вскрикнул:

– Падет Птолемей, и Рим станет владыкой мира! – Мудрец, крайне

испуганный, добавил: – Я бы рекомендовал немедленно послать Гураса в Рим получить поддержку Цезаря, а твоего сына Артавазда, молодого и энергичного наследника престола, направить в Египет, в Александрию, на помощь Птолемею.

– Евсевий, в Египте опасно, отправлять туда наследника престола – большой риск.

– Тогда сначала выясни, не подготовила ли судьба ему смертельную ловушку! – Ученый пытливо глядел на царя: – Тигран, ты давно уже обещал открыть будущее сыну с помощью Таблицы судеб, ведь так?

– Предлагаешь для начала переместить его в Птолемаиду?

– Да!

Глава 2. Смысл поступков

В саду, раскинувшемся вокруг дворца в Арташате, жена царевича Артавазда Анаит, одетая по последней моде, с уложенными в серебряную сеточку волосами, гуляла с детьми в окружении придворных женщин, нянь и рабынь. Своей красотой она нисколько не уступала самой богине Анаит (в честь нее и была названа). Ее муж объявлен наследником престола, и армянка Анаит, темпераментная, с гордой осанкой, великолепной фигурой, утонченными чертами лица, карими глазами и пышными черными волосами, готовилась стать царицей огромной державы. Няня передала ей младшего сына, названного в честь деда Тиграном, но все его называли Тигранчиком. Ему всего два года. Счастливая царевна нежно приласкала его. Потом она обратила взор на старшего сына Арташеса, умного и смекалистого мальчика, все время порывавшегося убежать поиграть со сверстниками.

– Арташес, никуда не убегай, будь рядом! А после утренней прогулки тебя ждут занятия с Амфикратом.

Грек Амфикрат, мудрец, выдающийся ритор и писатель, изгнанный из Афин своими соотечественниками за то, что не верил в политические теории, созданные Платоном и Аристотелем, стал одним из ключевых советников царя Тиграна, но также и занимался образованием его детей и внуков.

– Мама, я сегодня устал и заниматься не хочу, – сделал

наивное лицо, сказал восьмилетний Арташес. – Ну разреши мне поиграть с другими мальчиками!

– Арташес, будь рядом, никаких игр! – Анаит изобразила строгость.

– Хорошо, мама, – сдался мальчик, озираясь по сторонам.

Стоило женской процессии двинуться дальше, как он, улучив момент, нырнул в нарядный куст розоцветной спиреи и был таков.

– Сегодня у тебя, Арташес, геометрия, – говорила Анаит. – Эта наука развивает пространственное мышление и воображение... Арташес, ты где?

Анаит, застыв на месте, бросала взгляды вокруг себя. Все женщины в волнении смотрели на нее. Царевна резко развернулась и сказала:

– Он убежал! Вот негодник! Давайте разделимся и начнем искать!

С младшим сыном и двумя служанками она пошла по дорожке, а все остальные побежали в дальние уголки сада, заглядывая за каждый куст.

Поиск ничего не дал. Расстроенная и встревоженная, она влетела в кабинет мужа и закричала:

– Артавазд, я не могу найти Арташеса! На прогулке убежал от меня, и вот уже час никто не знает где он.

– Успокойся, любимая, – Артавазд поднялся из-за стола с разложенными рукописями греческих трагедий, выписанных из Афин. – Не мог он далеко убежать, шалун где-то пря-

чется.

Царевич нежно любил жену, всегда надеялся на ее молчаливую поддержку и чувствовал безграничную власть красоты и любви этой невероятно притягательной женщины. Анаит же смотрела на своего чудесного мужа, восхищаясь им каждую минуту.

Двадцатилетний Артавазд, старший сын царя Тиграна, был красивым и сильным мужчиной, прекрасным борцом и храбрым воином. Его уже объявили наследником престола. Талантливый, целеустремленный и преданный царю, он имел волевое лицо и каштановые волосы, свободно спадающие на плеч, что считалось в те времена символом мужества и величия. Он был высокий, стройный и ловкий, правда, не имел склонности к точным наукам, но зато талантливый драматург, пишущий трагедии на греческом языке. Отец сделал его своим соправителем, и Артавазд живо интересовался делами управления огромным государством. Держава Тиграна простиралась от Каспийского до Средиземного моря. Завоеванная в битвах и походах территория процветала, управлялась мудро и справедливо, вызывая зависть и дрожь Римской республики и Парфянского царства.

– Помнишь, – сказал жене Артавазд, – маги из Мидии Атропатены, предсказали Арташесу большое будущее?

Магами в то время называли жрецов, пришедших из Вавилонии и поселившихся с персами. Их еще все звали волхвами и верили, что они волшебники.

– Да, я помню, – сказала расстроенная Анаит. – Они сказали, что Арташес будет царем Великой Армении и спасет свою страну от страшной беды.

– Вот видишь! Ничего не может случиться с нашим сыном. Сейчас же сам займись его поисками.

...Арташес лез на крышу дворца. Мальчика интересовало все, и сегодня он хотел забраться на самую высокую точку здания, чтобы увидеть мир вокруг. Впереди маячила дозорная башня – высшая точка дворца, с нее непрестанно велось наблюдение за окрестностями, и воин в кожаных доспехах и бронзовом шлеме с карийским (было такое племя в Малой Азии) красным гребнем из конских волос, с сигнальной трубой и мощным луком, ходил взад-вперед по вышке, неся службу в дозоре. Сигналы – заранее установленные знаки, несущие сообщения о нападении или передвижении войск неприятеля, – подавались с самых окраин державы специальными сигнальными подразделениями и дозорами с помощью зеркал, дымов, огней, костров и факелов. Число факелов и их расположение говорило об определенной букве алфавита.

Послышался шорох. Солдат на вышке насторожился, огляделся. Никого! Успокоившись, стал смотреть на север. Шорох донесся вновь. Воин выглянул с вышки: внизу все тихо, в саду прогуливались несколько женщин. Утерев рукой пот со лба, солдат достал флягу с водой, отпил и стал вглядываться в горы на юге. Арташес, босой, аккуратно цепляясь за камни песчаника (из него сложена башня), тихо караб-

кался вверх по одной из колонн за спиной дозорного. Солдат, уловив странные звуки, резко обернулся, но тут внезапно вспорхнула стая голубей, чуть не сбившая мальчика с колонны. Однако Арташес цепко схватился за шершавый камень и, после некоторого промедления, перелез на черепичную крышу. Мальчик выпрямился и увидел наконец что хотел.

Перед ним во всем великолепии лежал огромный мир: на юго-западе возвышалась исполинская, двуглавая, со снежными шапками гора Арарат, на северо-востоке четырехглавый великан, гора Арагац, а между ними простиралась изумрудная благодатная Араратская долина, разделенная на две части синей рекой Аракс. Плодородная земля переливалась всеми оттенками зеленого. Возделанные поля пшеницы и ячменя были цвета нежных побегов. Абрикосовые и персиковые деревья ярко-зеленого цвета с оранжевыми вкраплениями фруктов (говорили, что армянские абрикосы имеют вкус солнца). Берега реки имели папоротниковый цвет, а огороды фисташково-салатный. Цепи холмов со склонами, изрезанными голубыми ручьями, были оттенка молодой горчицы. Выделялась темная зелень виноградников и бронзово-зеленый цвет леса. Кругом разбросаны черные глыбы больших камней. Умиротворение и спокойствие поражало...

До мальчика донеслось: «Арташес!» Он посмотрел вниз и увидел: вокруг дворца бегают люди, среди них и его мать, а когда парнишка уже решил спускаться, то заметил отца,

стоявшего на балконе. Щурясь, тот смотрел на вышку и показывал пальцем в сторону сына. Солдат-дозорный занервничал, высунул голову за ограждение вышки и, посмотрев вверх, увидел мальчика.

– Вай, что ты там делаешь? Ради бога Арамазда, слезай! – вскрикнул испуганный воин, узнав Арташеса. – Но только осторожно! Прощу, милый мальчик, будь осторожен.

Арамазд, верховный бог армян, был милосердным и миролюбивым, и в этой ситуации вся надежда была на него. Мальчик, явно ничего не боясь, спокойно слезал с крыши. Цепляясь за каменную кладку, он спустился вниз и побежал к отцу.

В богато украшенном зале доблести и славы на стене висел царский штандарт – красное полотнище с вытканными золотом восьмилучевой звездой и двумя орлами. Знамя имело обрамление – грозное оружие армян: мечи, секиры, стрелы, булавы, копья и топорики, побывавшие в боях, имеющие глубокие отметины (напоминание о кровопролитных сражениях). Под стягом, в окружении трофейных доспехов, фасций с топорами и знаков легионов, на фоне двух сломанных перекрещенных римских солдатских мечей гладиус, небрежно вверх ногами висела римская эмблема воинской доблести – золотой лавровый венок полководца Лукулла. В спешке брошенный отступающим главнокомандующим золотой венок стал трофеем. Мир вернулся на армянскую землю после

победы над врагом, но этот зал, выражая идею доблести, напоминал о трагических днях и героизме народа.

Царь Тигран стоял посреди зала в окружении царедворцев: справа историк Евсевий, слева полководец Кухбаци и философ Метродор. Ждали Артавазда. Тигран правил царством Великая Армения вот уже двадцать девять лет, добившись небывалых успехов в хозяйстве и культуре. Но успехи могли быть более впечатляющими, если бы не вторжение римского войска во главе с Лицинием Лукуллом. Римскому полководцу не давали покоя богатства и тайны Армении. Впрочем, даже в этих условиях царь, изгнав римлян из пределов своей земли, сумел удержать державу от распада, поднять армянский народ из полуварварства до высот цивилизации и вывести царство в передовые государства мира.

Тигран и Кухбаци были безупречно выбриты, как того требовала мода: просвещенные бритые мужчины выгодно отличались от варваров. А вот Евсевий и Метродор имели пышные бороды для уважительного почитания окружающими их статуса. Философы и историки желали показать царям, придворным и горожанам свою индивидуальность, зрелость, мудрость и свободолюбие.

– Где Артавазд? – с негодованием спросил царь.

В этот момент дверь открылась, в зал вбежал Артавазд и, встав по правую руку от царя, услышал неодобрительное замечание:

– Надо иметь очень важные причины, чтобы опаздывать

на встречу с царем... Бывает, голова с плеч, и не заметишь.

– Прости, государь, у меня нет оправдания. Мой сын Арташес так спрятался, что пришлось объявлять тревогу и искать его.

– Ну и как, нашли?

– Да, государь, он забрался на крышу дозорной вышки.

Тигран недоуменно поморщился:

– Впредь следите за моим внуком тщательнее.

В зал ввели амазонку Калестриду в кандалах. Молодая красивая женщина имела светлые волосы, забранные ремненным шнуром, одета в легкие кожаные доспехи, напоминающие короткую тунику.

– Калестрида! Ведь так тебя зовут? Я царь Тигран и хочу знать, зачем ты покусилась на мою реликвию.

Амазонка молчала и смотрела в сторону.

– Скажи, – продолжал царь, – кто послал тебя, кто заказал похищение жезла?

– Ничего не скажу: я проиграла и готова умереть, – гордо произнесла Калестрида.

– Обычно я действую методом убеждения, чтобы побудить человека доверять мне и стать союзником, но иногда приходится прибегать к насилию. Твое племя обитает на северных предгорьях Кавказских гор, рядом с племенем гаргаров, не так ли? Я пошлю туда войска и уничтожу тамошних обитателей. Но в твоей власти не навредить, помочь своему народу. Скажи мне правду.

– Я сплеховала, и лучше смерть, чем предательство.

– Твое самобичевание сродни эгоизму и не поможет ни тебе, ни твоим соплеменникам.

Евсевий мягко произнес:

– Амазонок периодически вербуют, чтобы сражаться в вооруженных конфликтах, и вы соглашаетесь ради выгоды. Но сейчас ситуация иная: Армения соблюдала паритет с горцами сто лет, а вы его нарушили. Наказание неотвратимо. Нелепо подвергать свой народ риску уничтожения по прихоти заморских заказчиков.

Тигран, взглянув на соратников, снова обратился к Калестриде:

– Ты совершила ошибку, однако я готов простить и просить об услуге.

Амазонка резко повернула голову в его сторону, но промолчала. Вступил в разговор Артавазд:

– Твой народ образовал собственное воинственное государство, состоящее исключительно из женщин, и жаль начинать войну с вами. Ты, Калестрида, производишь впечатление умной и смелой воительницы. Советую прислушаться к словам царя царей.

Титул «царь царей» означал старшинство верховного азиатского правителя над другими царями. Тигран II, захватив в кровавых сражениях огромные территории Малой Азии и Месопотамии, вдруг остановил войны и решился на грандиозный эксперимент – превратить патриархальную Армению

в цивилизованную державу, взяв за образец эллинов, для чего смешал народы и стал строить мир во имя процветания единой нации.

На пути достижения поставленных целей у него возникали небывалые препятствия. Например, зло в облики дракона затаилось в пещере горы Арарат. Низвергая гром и молнии на страну, оно грозило уничтожить человечество. Или вторжение сильной римской армии, захватившей одну из столиц Армении Тигранакерт. А еще подлый заговор рабовладельцев, жаждущих обогащения и роскошной жизни, как в Риме. Были и кровавые мятежи, ставившие государство на грань выживания. Вероломное предательство жены Клеопатры Понтийской и сына Тиграна Младшего, мечтающих о безраздельной власти, ударило сильнее всего. Изощренная месть бывшей царицы Сирии Селены I, которая с помощью магии, ядов, змей и других средств древних злодеев устраивала бесконечные покушения на царя. Не дремали и соседи: воинственный царь Nabatei Арета III хотел Сирию, трусливый правитель Каппадокии Ариобарзан I покушался на западные земли Армении, а коварный царь Парфии Фраат III, проведя с Римом тайные переговоры, внезапно вторгся во владения Тиграна и осадил одну из столиц – богатейший армянский город Арташат.

Тигран изгнал из пределов своей державы римлян и парфян, разбил Арету, наказал Ариобарзана, запечатал зло в образе дракона в черной пещере на горе Арарат, разделал-

ся с предателями и завистниками, подавил мятежи, помог Митридату VI вернуть царство и обеспечил покой в Азии. И вот новое испытание. Миру опять грозит опасность: в Египте поднимали голову темные силы.

– Калестрида, – вкрадчиво сказал Метродор, – главные ценности жизни просты: честь и достоинство, любить и быть любимым, наслаждаться радостью существования. Во имя этого помоги нам!

Тигран верил, что сможет убедить амазонку взглянуть на ситуацию по-новому:

– Твое черное дело может привести ко вселенской катастрофе: у человечества украдут будущее.

Калестрида постепенно входила в диалог, поддаваясь обаянию Тиграна. Она произнесла:

– Но ты же не пророк, откуда знаешь?

– А если пророк? – Царь прошелся по залу, посмотрел на штандарт и вдруг спросил Калестриду: – Как самочувствие твоей молодой спутницы, у которой сломана нога? Кажется, ее зовут Камиллой?

– Она больше не воин: либо умрет, либо останется без ноги.

– А калек в вашем племени убивают, не так ли? Жестокая традиция. Но я предсказываю: девушка излечится и будет ходить, здесь и сейчас! – торжественно объявил царь. – Кухбаци, вели принести Камиллу сюда и позови Егию!

Калестрида недоверчиво посмотрела на царя, и лицо ее

выражало недружелюбие и подозрительность. Внесли носилки с раненой амазонкой, красивой девушкой с лицом бледнее белого и крупными каплями пота на лбу. Было видно, что она по-спартански преодолевает невыносимую боль. Вошли личный врач Тиграна Егия и телохранитель царя Гурген, держащий в руках чашу из белого камня с крышкой. Каменные стенки чаши были настолько тонкие, что просвечивали насквозь, и было видно, как в сосуде колыхается жидкость.

– Егия, помоги этой девушке, – сказал царь.

Лекарь встал на колени перед страдающей амазонкой, осторожно снял повязку с раны на ноге, затем, взяв у Гургена чашу, приоткрыл, и капля жидкости упала на рану. Глаза девушки широко открылись, заблестели, лицо порозовело и приобрело нежный и мягкий оттенок.

– Ну, милая, – сказал Егия, – попробуем встать.

С этими словами он приподнял девушку и дал ей возможность опереться на свою руку. Та медленно поднялась и с удивлением обнаружила, что нога цела, и она снова способна самостоятельно передвигаться. Амазонка неуверенно, но с заметным ликованием прошла по залу. С благодарностью посмотрев на лекаря, подошла к Калестриде и обняла ее. Слезы выступили в глазах опытной воительницы, а красавица Камилла рыдала в голос. Калестрида, преисполненная радости, повернулась к Тиграну. Ее лицо выражало одновременно и признательность, и восхищение, и удивление.

Бережно поддерживая за руку излеченную молодую вои-

тельницу, Егия и Гурген вывели ее из зала.

– Калестрида, – обратился к амазонке царь, – твоей подруге нужно какое-то время восстановиться. У тебя есть выбор: либо помочь мне, либо гнить в подземелье со своими сораотницами до конца жизни.

– Что ты хочешь знать? – уже не так вызывающе спросила женщина.

– Укажи на человека, заказавшего похищение жезла, помоги схватить его и тем самым предотвратить катастрофу.

Калестрида молчала. Артавазд спросил:

– Так что ты выбираешь, мир или войну?

Тигран подошел к ней ближе и заглянул в глаза:

– Ты явилась к нам с коварным умыслом похитить реликвию храма, но богиня Анаит не позволила свершиться злодеянию, – царь, серьезный и грозный, вдруг улыбнулся и продолжил: – Я знаю, где находится Пояс Ипполиты, реликвия твоего народа...

Когда-то у царицы амазонок волшебный пояс отнял Геракл. Пояс уже давно находился среди многих магических вещей там, где царь взял ту чудесную жидкость, что излечила подругу воительницы – в таинственном Дворце власти.

Царь добавил:

– Если поможешь, и мы поборемся за спасение мира, ты получишь реликвию. С этим поясом будешь непобедимой в любом бою.

– Тот человек щедро заплатил, – произнесла побежденная

Калестрида. – Он назвался Вельзевулом.

Калестриду увели, а Тигран обратился к сыну:

– Артавазд, дело не терпит отлагательства. Тебе придется отбыть в Египет и решить там сверхсложную задачу. Но предварительно мы отправим тебя, как и обещал, в Птолемаиду, узнать судьбу. Зная свою участь, всегда будешь действовать решительнее. Только прошу: обдумывай тщательнее поступки. – Тигран подошел ближе к сыну и положил руку ему на плечо: – Ты очень доверчив. Будь осторожен!

Глава 3. Камень цвета тлеющих углей

Столица царства Великая Армения город Арташат (греки прозвали ее Артаксата) стоял на холмах у подножья горы Арарат, при слиянии рек Мецамор и Аракс. Благоустроенный город имел царскую резиденцию, дворцы, храмы богов (не только армянских) и мощные крепостные стены, недавно выдержавшие осаду парфянских войск. Город был основан царем Арташесом I, а построен по проекту Ганнибала из Карфагена. Ранее на этом месте стояло небольшое поселение времен Урарту, но теперь вырос огромный полис с населением в сто тысяч человек.

В городе процветали ремесла, торговля, земледелие, скотоводство, библиотечное дело и театр, а жилые постройки уже вышли за крепостные стены и теснились у самой реки. Посвященные знали и о тайных помещениях под городом, также спроектированных Ганнибалом, – начиная с водопроводной системы из гончарных труб и кончая залами магии и хранилищами сокровищ. На холме Хор Вирап была подземная темница, куда заточали опасных преступников. Араратская долина, орошаемая рекой Аракс, кормила город, давая богатые урожаи зерновых, фруктов и овощей.

В хранилище чудес под дворцом спустились Гурас (брат

царя, его опора в делах, прирожденный дипломат) и Евсевий (мудрец, ведавший тайнами царства).

– Пришло время воспользоваться этой вещью, – сказал Гурас. – В путешествии в Птолемаиду Артавазду она пригодится. Потом отвезу ее в Рим.

– Вещь опасная для каждого, кто пожелает прийти с мечом на армянскую землю! – воскликнул Евсевий.

Они говорили о перстне духа Арарата, известном как Драконий перстень. На протяжении веков этот предмет не раз помогал победить или переиграть противника. Того, кто носил перстень, дух священной горы Арарат наделял сильными страстями и необыкновенными качествами, но владельца также одолевали сомнения и трепет. Несомненно, армянский дух Арарата, душа древнего предка, делал добро тем, кого любил, и причинял зло тем, кого ненавидел.

В специальном хранилище под дворцом, куда вел запутанный лабиринт с хитроумными ловушками, хранились волшебные вещи. Одна из них – массивный перстень духа Арарата, сделанный в давние времена из золота в форме драконьих лап, цепко держащих идеально отшлифованный темно-красный камень карбункул, прозванный гранатом.

Старинный манускрипт (его, конечно, читали Гурас и Евсевий) сообщал: ассирийцы во главе с царем Салманасаром III регулярно предпринимали грабительские походы в страну армян Урарту, забирая скот, упряжных лошадей и увозя людей в рабство. Все изменилось, когда царь Урарту Сар-

дури I, платя дань ассирийцам, подарил Салманасару перстень с красным камнем, добытым из головы дракона. Чудо-вище спало, когда Сардури с товарищами проник в черную пещеру на горе Арарат и отсек ему голову. Камень карбункул, сверкавший на лбу дракона как пламя пожара, извлекли. После, лучший царский ювелир вставил его в золотой перстень. Непонятным образом на внутренней стороне кольца появилась надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Правитель Урарту носил перстень на пальце в качестве талисмана.

Сардури был очень горд, носил украшение долго, пока не понял, что перстень рождает страстные желания, оборачивающиеся против владельца. Он преподнес золотой талисман в подарок врагу. С этого момента новый владелец перстня Салманасар больше так и не смог покорить страну Наири (так ассирийцы называли Урарту). Крупное нашествие на армянские земли провалилось, Салманасар погиб.

Но ассирийцы, воинственные и могущественные, по-прежнему считали государство Урарту главным противником, хотя и не трогали его, а грабили Вавилонию, Сирию и Иудею. Незаурядная во всех отношениях царица Ассирии Семирамида, регент малолетнего царя (она убила мужа и почти всех детей, чтобы править самой), снова захотела захватить Урарту, но не смогла. Говорят, она носила перстень с драконьим камнем. Следующий царь ассирийцев, Салманасар IV, все же решился пойти на Урарту, но повернул об-

ратно, с ужасом воскликнув: «Царь урартов Аргишти I – тяжелая буря!» В Ассирии между тем начались страшные бедствия: разразилась эпидемия чумы, косившая население, возникла небывалая засуха, подорвавшая хозяйство, вспыхнули восстания, расколовшие страну, и, напоследок, самое скверное – затмение солнца, ознаменовавшее конец. Вскоре держава Ассирия, как ни сопротивлялась судьбе, исчезла. Повлиял ли перстень духа Арарата на эти события? Были люди, знавшие это наверняка.

Евсевий, улыбаясь, напомнил:

– Обладатель этого перстня, я точно знаю, получает богатство, удачу и власть над людьми, но в придачу – сомнения, трепет, сильные страсти и ужасную смерть. Персидские цари считали этот перстень талисманом, и чем все кончилось?

Перстень из Ассирии попал к персам и переходил от одного царя к другому. Два столетия длилось владычество персов над Арменией, причем персидские государи династии Ахеменидов старались мало интересоваться внутренними армянскими делами, никогда не приближаясь к Арарату. Их устраивало, что дань и войска присылались вовремя, а потому они проявляли веротерпимость и вели гибкую национальную политику. Армения наслаждалась миром.

Никто не ожидал, что Александр Македонский нападет на персов и с небольшой армией легко уничтожит мощь царства. Персидское государство как самостоятельное прекратило свое существование. Наверное, так было угодно бо-

гам...

Александр Великий двинулся на завоевание мира. Зная, что Армения очень богатая страна, он все же не решился войти в ее пределы. Говорят, Драконий перстень был его талисманом... Когда в Вавилоне во дворце Навуходоносора в возрасте тридцати трех лет он внезапно умер, перстень положили в гроб удачливого завоевателя. Тело с приключениями привезли в Египет и поместили в мавзолей в Александрии, египетской столице. Однажды, прибыв в Египет, армянский царь Тигран II увидел перстень в склепе, где стоял стеклянный гроб великого полководца, и попросил Птолемея XII вернуть перстень Армении, что тот и сделал.

И вот сейчас снова вспомнили про Драконий перстень: дух горы Арарат должен помочь Армении, не дать ее в обиду...

Тяжелая дверь с хитроумным замком открылась, и царедворцы вошли в освещаемый вечным светильником зал чудес. В нем собраны магические вещи: доспехи неуязвимого в бою воина; бронзовый кинжал с ручкой из рога африканского носорога, способный пронзить любую стену, так как его обмакнули в кровь дракона; волшебная Таблица судеб, открывающая божественные замыслы и дающая власть над решениями богов; кусок металла, упавший с неба, умеющий омолаживать тело и дарующий чувство внутреннего равновесия и гармонии; эгида – накидка из козьей шкуры, обладавшая волшебными защитными свойствами; Паллади-

ум, священная статуя-оберег; перстень духа горы Арарат.

– Это здесь! – Евсевий указывал на железный ларец, стоящий на изящном мраморном столике.

Он открыл крышку, и Гурас увидел прекрасное изделие ювелирного искусства – необычный мужской перстень с красным камнем цвета тлеющих углей. Евсевий назидательным тоном произнес:

– Перстень, ломающий судьбу...

Однажды надев этот перстень на палец, чувствуешь прилив божественной энергии и пробуждение могущества, кажется, что получаешь принадлежность к избранным и всевластие, но не замечаешь как постепенно оказываешься рабом перстня, падаешь в бездну разбитых ожиданий и в приступе ярости находишь свою погибель.

Осторожно взяв талисман, он передал его Гурасу. Брат царя, подняв Драконий перстень к свету, чтобы лучше рассмотреть, поразился силе камня и с сожалением сказал:

– Жизнь беспощадна: в море безумства и лжи ищешь причину не унывать, сохраняешь надежду на частицу счастья, а все оборачивается неправдой и жестокостью.

Евсевий погладил бороду и строго посмотрел на царедворца:

– Что ж, если нет надежды на лучшее и впадаешь в отчаяние, нечего делать на этой земле.

Брат царя сказал:

– Пусть Артавазд ненадолго обретет прилив божествен-

ной энергии, а потом я отвезу этот перстень врагу, чтобы тот ощутил силу демонов.

Гурас передал перстень мудрецу, и тот спрятал его в карман.

Из северных ворот города в сопровождении охраны из пятерых воинов на конную прогулку отправилась молодежь Арташата – десять мальчиков разного возраста, и среди них Арташес, сын Артавазда и внук царя. Мальчики направлялись в сторону леса, примыкавшему к городу с севера. Система воспитания отпрысков знатных семейств напоминала спартанскую и включала верховую езду, физические упражнения, владение мечом, метание копья. Цель – создание боеспособных и готовых к любым тяготам воинов, будущих военачальников.

Арташес – ему было всего восемь лет, – чувствуя в седле безграничную свободу и представляя себя бесстрашным завоевателем далеких земель, скакал легко, ритмично, радостно, а ветер рвался ему навстречу. По лесной дорожке группа наездников вышла на поляну, где прозвучал сигнал наставника спешиться. Привал. Привязав лошадей, мальчики разбрелись по поляне, Арташес же вошел в чащу и позвал:

– Кяж! (рыжий – *арм.*)

Тут же из куста показалась мордочка лисенка. Мальчик протянул руку. В ней лежало приготовленное угощение – долька яблока. Лисенок осмелился подойти ближе, рассмат-

ривая лакомство в руке Арташеса. Любознательный рыжий зверек с большими ушами, удлиненной мордочкой и пушистым хвостом взял угощение, стал его грызть и разрешил мальчику себя погладить. Уже давно между ребенком и животным сложились доверительные отношения, и Арташес не упускал случая принести лесному другу то грушу, то яблоко, а то и куриные потроха. Арташес решил поиграть с ним и стал бросать в траву мячик из ивовых прутьев, а лисенок бегал, искал мяч и приносил его мальчику.

– Арташес, что ты делаешь?! – вдруг раздался грозный крик наставника. – Лис может укусить тебя!

Мальчик обернулся. К нему приближались наставник и телохранитель. Последний, раскрутив над головой пращу, выпустил камень в лисенка. Промях! Лисенок тьякнул, развернулся и побежал в чащу леса. Арташес закричал:

– Кяж! Стой, Кяж!

Взрослые уже были рядом. Вдруг мальчик сорвался и побежал за лисенком.

– Арташес, стой! – кричал наставник, пустившись вслед за ребенком. – В лесу опасно, стой!

Но мальчик ничего не слышал. Он бежал с одной мыслью: друга обидели и надо спасти его. На пути внезапно выросла торчащая из земли, точно зуб, желто-коричневая скала, в которую лисенок нырнул и... исчез. Арташес, не разбирая дороги, врезался в скалу и тоже исчез. Подбежали мужчины. Они только что ясно видели мальчика у скалы, а теперь его

нет! Обежав скалу несколько раз и поняв, что царский внук пропал, наставник и телохранитель разделились и в панике побежали искать беглеца.

Как часто взрослые не дают детям жить в гармонии с природой, наслаждаться тем, что их окружает! Зрелые люди норовят все испортить, а когда разрушат, ищут утешение в оправдании: «Я же хотел как лучше!»

...Скала представляла собою портал, разрыв в пространстве-времени, случайно выстроенный побочным эффектом действия магического зеркала перемещений. Портал направлял людей и предметы в тайный подземный зал арташатского дворца. Мрачное помещение этого зала освещали четыре масляных светильника, и отблески пламени отражались в отполированном до идеального блеска большом железном зеркале в золотой раме с надписями и заклинаниями (их мог читать только посвященный). Блики от зеркала падали на массивную деревянную подставку со старинной книгой. Магическое зеркало могло перемещать предметы и человека в некоторые географические точки, но так как люди не всегда возвращались обратно, им пользовались редко.

Оказавшись в этом зале, лисенок, покружив, сел и посмотрел на мальчика, а Арташес, испуганный и растерянный, с опаской ходил по подземному помещению и наконец остановился у зеркала. Посмотрев на свое и лисенка отражение, направился к постаменту с толстой книгой в твердой обложке из телячьей кожи. Открыв ее, прочитал написан-

ное черными чернилами по пергаменту: «Пусть придет яркий свет и мощная энергия. Крылами махни и перенеси туда, где цветет жасмин. Тело же сохрани и убереги. Да будет так!»

– Книга заклинаний! – вскричал мальчик.

Об этой книге он знал от матери. Она, рассказывая сказки, наполненные символическим тайным смыслом, приключениями и волшебством, поведала о чудесной книге. Вдруг послышались какие-то звуки и скрежет железа: открывалась потайная дверь. Арташес, схватив лисенка, затаился в темном углу, а в помещение вошли Евсевий и Артавазд, отец мальчика.

– Дорогой Артавазд, – говорил мудрец Евсевий, – тебе предстоит дальнейшее путешествие. Это магическое зеркало, изменяющее положение объекта, переместит тебя в иную географическую точку – город Птолемаиду. Все готово для путешествия. Для безопасности и успешного выполнения миссии я дам тебе несколько магических предметов. Вот Таблица судеб, – старец протянул царевичу небольшую кожаную сумку на ремне.

Все правители мира знали о существовании Таблицы судеб и охотились за ней. Этот артефакт стал одной из причин, по которой римский главнокомандующий Лукулл, вопреки воле сената, двинул римские войска на Армению, не понимая, что боги не допустят нарушения равновесия, сложившегося в мире. Добившись мелких успехов, Лукулл, ярый

сторонник республики, в глобальном плане проиграл и, сам того не желая, подтолкнул республиканский строй в Риме к полному развалу, приходу тирана и возникновению империи.

Таблица судеб была дарована богами Вавилону, который они сделали своими вратами. Через них они вступали в земной мир, сообщая о своем присутствии. Вавилон – врата бога, а Вавилонская башня – храм краеугольного камня неба и земли. На таблице стоит личная печать верховного бога, а владение этой вещью дает возможность понять божественные замыслы: человек узнает не только свою судьбу, но и получает власть над решениями богов.

– Смотри! – воскликнул Евсевий.

Он достал из сумки гладко отшлифованную пластину темно-серого цвета. Та блестела и переливалась в тусклом свете светильников. Артавазд, плененный необычной вещью, неотрывно смотрел на таблицу.

В темном углу, удерживая в руках лисенка, сидел никем не замеченный Арташес, удивляясь услышанному, и его сердце так учащенно билось, что, казалось, этот стук сейчас услышит отец.

– Таблица заговорит в самом почитаемом храме богини Ташмету – Храме судеб, что находится в Птолемаиде, и поведаст твою судьбу, – продолжал Евсевий.

В этом храме царь Армении Тигран II действительно получил предсказание. Только он один из всех владык мира су-

мел найти Таблицу, исчезнувшую после разрушения Вавилона, и та «заговорила».

– Через несколько минут магическое зеркало перенесет тебя в Птолемаиду. Запомни: дом рядом с тремя пальмами – твой портал обратного перемещения.

– Дорогой Евсевий, учитель, я должен это сделать, чтобы заслужить уважение окружающих, приобрести чувство собственного достоинства и превзойти себя.

Положив Таблицу в сумку и передав ее Артавазду, Евсевий продолжил:

– Вот амулет, – он повесил на шею царевича агатовую гемму на кожаном шнурке, изображающую оленя с орлом на спине. – Амулет откроет тебе двери храма и даст знак богине говорить с тобой. – Нашупав в кармане перстень, достал его: – Дракони́й перстень! Он наделит тебя такой энергией, что любая непосильная задача станет легкой. Одно плохо: нельзя долго носить, превращаешься в раба перстня, попадаешь в бездну разбитых ожиданий и в приступе ярости находишь свою погибель.

Артавазд взял перстень, поднес к глазам. Красный камень цвета тлеющих углей будто подмигивал ему.

– Надевай на палец, времени мало... Есть кое-что еще...

Евсевий протягивал цилиндрическую печать из зеленого камня.

– Твой меч, конечно, сильное оружие, но я думаю, тебя могут поджидать темные силы. Для разрушения злых чар ис-

пользуя эту печать. Поверти ее в руках, приговаривая: «О колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!»

– Спасибо, учитель, я запомнил! – Артавазд положил печать в карман хитона.

Евсевий подошел к массивной подставке с книгой, полистал плотно исписанные пергаментные листы и, найдя нужное заклинание, прочитал:

– Пусть придет солнечный свет и озарит необозримое пространство. Крылами махни и перенеси туда, где три пальмы растут. Тело же сохрани и убереги. Да будет так!

Зеркало помутнело, затем возник металлический блеск, и пробежали молнии. Поверхность зеркала волнообразно заходила с переливами от серебристого до белого цвета, создавая завораживающее сияние. Евсевий обернулся и махнул рукой. Артавазд протянул руку. Сначала в металл вошла его ладонь, потом рука, нога, а затем царевич смело ворвался в пространство новой реальности.

Вдруг лисенок вырвался из рук мальчика, подбежал к зеркалу и прыгнул в колышущееся серебристо-облачное окно.

– Кяж! – закричал мальчик, выбегая из своего убежища и, не задумываясь, нырнул в зеркало.

Евсевий от удивления всплеснул руками, оступился и рухнул на постамент с книгой. Грохот, шум от падения книги и деревянной подставки, крик мудреца... Придя в себя, Евсевий поднялся и побежал к царю, а магическое зеркало, по-

следний раз эффектно сверкнув, вновь стало отполированной до идеального блеска большой железной поверхностью в золотой раме.

Глава 4. Магия зеленого колдуна

Город Птолемаида, что на берегу Средиземного моря, до появления в Сирии Птолемеев звался Акко и было ему более двух тысяч лет. Цари Египта, зная о тайне города и особенно о чудесном храме богини Ташмету, не только переименовали город, но и неизменно получали в небольшом храме с портиком и колоннами божественные прорицания – например на удачные завоевательные походы или морские путешествия. И все предсказания богини сбывались, отчего Ташмету стала очень популярна на всем Средиземноморье. Богиню так почитали, что повсеместно возводили храмы в ее честь. Но только в Храме судеб Птолемаиды могла заговорить Таблица судеб – удивительный предмет, пластина величиной в две ладони, подаренная богами Вавилону, а теперь лежащая в кожаной сумке Артавазда.

На белой стене небольшого одноэтажного дома, рядом с которым росли три пальмы, сначала показался неясный силуэт человека, а затем из нее шагнул на каменную мостовую царевич Артавазд. Осмотревшись, он медленно направился к храму напротив. Сзади послышался звук, Артавазд обернулся и, к своему удивлению, увидел рыжего лисенка, а вслед за ним на камни дороги вывалился его сын Арташес.

– Арташес, что ты здесь делаешь?! Как сюда попал? – громким шепотом произнес потрясенный Артавазд.

– Отец, я погнался за лисенком...

– Впрочем, неважно, у нас мало времени, пойдем со мной!

Они пересекли улицу и, войдя за ограду, поднялись по ступеням храма, оказавшись у двустворчатой двери. Артавазд потянул ручки створок на себя, те со скрипом открылись, и, как только царевич с сыном шагнули в полутемное святилище, перед ними вырос жрец, тощий служитель бога с длинными жидкими волосами и злыми глазами, в белой хламиде и белых сандалиях, с оливковым, увитым лентой цвета финика, венком на голове.

– Этот храм неприкосновенный! Никто, кроме жрецов и царственных особ, не может входить сюда! – закричал жрец, преграждая дорогу. – Помолитесь снаружи!

– Перед тобой царственная особа. Я Артавазд, сын царя Великой Армении и Сирии Тиграна II, а это мой сын Арташес.

Жрец перевел взгляд с царевича на мальчика, потом на лисенка в руках парнишки.

– А лис тоже царственная особа? – невозмутимо спросил служитель бога.

– Да, этот лисенок из царского питомника, сакральное животное, – невозмутимо заявил Артавазд.

Взглянув недоверчиво на мужчину, жрец спорить не стал, но спросил:

– Чем ты докажешь?

Артавазд достал висевший под одеждой на шее амулет –

агатовую гемму с изображением оленя, на спине которого сидел орел, и показал жрецу. Изменившись в лице, тот отступил, почтительно пропуская гостей. Артавазд с сыном прошли в святилище. В центре зала на пьедестале стояла статуя божества. Каменные стены святилища, прочные и толстые, надежно защищали святыню от случайного прикосновения, воровства или даже любопытного взгляда. Освещение – солнечный луч, падающий на статую через решетку над дверью, – давало возможность увидеть, что помещение богато украшено: в нишах стояло много золотых и серебряных сосудов, стены ярко раскрашены фресками, по углам размещались изящные скульптуры и масса храмовой утвари; на алтаре в большом бронзовом жертвеннике курился фимиам.

Артавазд сразу почувствовал присутствие божественных сил. На него с высокого постамента смотрела раскрашенная бронзовая статуя работы Праксителя. Одни в ней узнавали аккадскую Ташмету, другие греческую Артемиду, третьи шумерскую Нанайю, а кто-то армянскую Анаит. Артавазд заволновался: богиня, сошедшая с небес, сейчас предскажет ему судьбу! Из состояния сильного душевного волнения его вывел служитель храма:

– Мы, жрецы, осведомлены, что определенный статус может быть только унаследован по крови, но никак не приобретен. Если ты действительно сын царя Великой Армении, ты получишь предсказание. Обряд требует принесения богине в жертву золота.

Артавазд достал кожаный кошель с золотыми монетами и положил на алтарь. На пальце его руки сверкнул Драконий перстень, привлечший внимание жреца. Камень перстня переливался цветами от розового до бордового. Со служителем стало происходить нечто странное: его объял ужас, он затрясся, тыкал трясущейся рукой в грудь царевичу, силясь что-то произнести, но слова застряли у него в горле. Наконец овладев собой, жрец произнес дрогнувшим голосом:

– Дай мне то, что нужно богине.

Артавазд передал ему агатовую гемму. Перепуганный жрец, положив амулет у ног бронзовой статуи, бросил в жертвенник для воскурений кусочек ладана и торопливо ушел. Струйка ароматного дыма поползла вверх: царевич почувствовал тягучий сладковатый запах, вызывающий умиротворение и необычную легкость в теле.

– Папа, что ты собираешься делать? – спросил мальчик.

– Сын, – Артавазд положил руку на плечо Арташеса, – я буду царем, носителем благополучия Армении, а чтобы уверенно влиять на государственные дела, должен узнать предначертанную мне судьбу.

– И богиня откроет судьбу? – скосив глаза на статую, недоверчиво спросил Арташес.

– Надеюсь, сын. Ну что ж начнем.

Царевич подошел к бронзовому изваянию и достал из сумки мистическую пластину. По ней внезапно побежали завораживающие своей красотой бело-голубые световые раз-

ряды. Раздалось потрескивание, печать в углу Таблицы судеб тускло загорелась рубиновым огнем. Артавазд, не раздумывая, приложил пластину к груди, как наставлял отец, и вдруг она ярко засияла. Сильное лазоревое свечение сделало помещение храма таким же светлым, как в яркий солнечный день. Подняв таблицу к глазам, царевич увидел надпись на греческом и торопливо прочитал пророчество вслух:

Цели заветной – власти верховной меж равных царей достигнешь;

Боги с лазурных небес наблюдают и нерешительность видят.

Рассудком твоим завладеет царица Востока, блудница мерзкая;

Власть серебром ограничит, игрушкою сделав; чарам поддавшись,

Голову потеряешь...

Потрясенный Артавазд, прочитав пророчество еще пару раз, опустил Таблицу и, взглянув на скульптуру, возблагодарил богиню:

– Богиня Ташмету, ты благожелательная и милосердная, ты послала мне предсказание богов, твои божественные лучи снизошли на меня, открыв истинное предназначение – быть царем царей. Но почему мое правление будет зависеть от женщины? В чем мое проклятие?

Царевич пристально смотрел на лик божества, но бронза оставалась холодной и неподвижной. Ни знака, ни звука, ничего... Артавазд, в отчаянии опустив руки, посмотрел на сына.

– Моя судьба, что бы ни открыли сейчас боги, в моих руках. Так учил отец, а его уроки я хорошо усвоил.

– Странное предсказание, – проговорил мальчик, – я ничего не понял.

Царевич горько пошутил:

– Избежать недальновидных шагов просто: всего лишь нужно знать судьбу и предвидеть ход истории.

Свечение прекратилось. Артавазд в некоторой задумчивости стал укладывать волшебный предмет в сумку, как скрипнула дверь. В святилище раздались гулкие шаги. Резко обернувшись, наследник престола увидел человека лет двадцати в синем хитоне и пурпурном плаще. На его златокудрой голове с короткой стрижкой лесенкой красовался венок из золотых дубовых листьев. Такой носили только цари. На шее вошедшего на золотая цепи висел странный амулет, на поясе меч с красным опалом в рукояти. Пришедший злобным взглядом буравил Артавазда, не произнося ни слова. Юный Арташес, держащий в руках лисенка, вздрогнул, ощутив и у зверька учащенное сердцебиение.

– Ты кто? – громко спросил Артавазд. – В такой величественной одежде может появиться только царственная особа.

– Я тот, кого ты меньше всего желал бы видеть, – наконец отчетливо произнес юноша с венком на голове. – Твой отец, царь Тигран, сделал все, чтобы лишить меня трона, отобрать сокровища, изгнать из царства, а мою бедную мать казнил лишь за то, что она была предана сирийскому народу и делала добро людям.

– Ты Антиох XIII, а твоя мать царица Сирии Селена... Та, что убила пять мужей, в том числе и твоего отца.

– Моя мать святая женщина, она боролась за себя и любимую страну до последнего вздоха!

– Зачем же она завещала Риму любимую Сирию, забыв упомянуть в завещании собственного сына?

– Это неважно. Важно другое: я хочу, а главное могу вернуть себе все.

– Ты и твоя мать довели Сирию до полного развала, и только царь Тигран принес стране успокоение и процветание. По части заговоров, убийств и мятежей ваша семейка уникальна, таких на Востоке больше не сыщешь.

– Моя мать оказалась недалёковидной, но я не упущу свой шанс. Эта гемма, та, с оленем, что лежит у ног богини, – в глазах Антиоха сверкнули красные огоньки, – принадлежала ей. Я хочу забрать амулет.

Артавазд с насмешливой улыбкой на устах взял гемму с постамента и повесил себе на шею.

– Попробуй возьми, – невозмутимо сказал он.

Антиох с кривой гримасой стал приближаться:

– Придется нам с тобой спор решить наедине. Незачем простолюдинам осквернять жилище почитаемой мной богини. Но за оградой храма стоят мои люди, и просто так отсюда тебе не уйти. Хотя, я и один справлюсь.

– Не надейся! – крикнул Артавазд. – Богиня поведала мне судьбу: жить мне еще долго.

– Как я сразу не догадался?! При тебе Таблица судеб... Вот это удача! Она лежит в той сумке, что на плече, не так ли?

Мальчик, держа лисенка, весь съежился, а его отец, убедившись, что сын прячется за алтарем и пока вне опасности, достал из ножен булатный меч, способный как масло резать любые доспехи, и приготовился к бою. Антиох, обнажив свой дамаский меч, сорвался с места и бросился на армянского царевича, обрушив первый удар. Меч остановил меч.

– Неплохо! – крикнул Антиох. – А как ты ответишь на это? – и нанес прямой укол.

Артавазд увернулся и сильным, размашистым движением попытался выбить оружие из рук сирийца, но не получилось. Оба соперника фехтовали уверенно, не суетясь, нанося удары, так и не достигавшие цели.

Юный Арташес, ошеломленный увиденным, поднялся и во все глаза следил за поединком. Отец, взломав защиту врага, нанес мощный и сметающий удар. Его противник не удержавшись, потерял равновесие и повалился на алтарь. Золотой венок с головы свалился, прическа растрепалась, бывлой

лоск улетучился. Внезапно Антиох как ужаленный выпрямился и уставился на Драконий перстень на руке Артавазда. Сирийского властителя обуял панический страх, он застыл и не моргая смотрел на талисман: магический камень цвета крови намертво приковал его взор.

– Арташес, – закричал отец сыну, – возьми сумку с табличей! Если мне будет угрожать опасность или погибну, доставь ее дедушке!

– Папа, а если я не справлюсь?

– Верь в себя, сын, и все поверят в тебя!

В этот момент Антиох, преодолев минутную слабость, вернул себе способность двигаться. Он поднес к лицу ви-сящий на груди могущественный амулет в виде соколиного глаза и, ощутив прилив сил, расправил плечи. Свирепо оскалившись, он встал на изготовку к бою.

Артавазд прошелся вокруг соперника:

– Мой Драконий перстень поколебал твою силу, Антиох. Мне говорили, что заветный талисман – защита от злобного демона. Так и есть.

Антиох с искривившимся лицом бросился в атаку. Артавазд ударом меча отбил меч противника, но, видя безумные глаза соперника, подумал: «Он явно сильный фехтовальщик. Неужели этот двадцатилетний парень подготовлен лучше меня?» В этот момент Антиох, применив обманный финт, развернулся и рукоятью меча ударил соперника в грудь. Удар был такой силы, что армянский царевич от-

летел к стене и рухнул. Пронесся воздушный вихрь, заметалось пламя в масляных светильниках, с грохотом посыпалась утварь храма.

Довольный Антиох закричал:

– Ты не знаешь с кем связался! Греки триста лет назад отвоевали Египет у персов. Не задавался вопросом, почему с тех пор египетские цари получают первенство во всех делах? Потому что они, как и я, и моя мать, и сестра – потомки знаменитой Арсиной!

Все знали феномен Арсиной II. Молодая гречанка вдруг удостоилась титула фараона и была обожествлена еще при жизни. Все просто: Арсиноя, убив мужа-фараона, стала женой бога. Она рожала детей от солнечного бога Гора, сына Осириса, правителя загробного мира.

Антиох XIII возглашал:

– Во мне течет кровь богов! Я олицетворение одновременно загробного мира и солнца, моя миссия – мстить за смерть Осириса!

Артавазд засмеялся:

– У Осириса, как известно, зеленое лицо, а ты пишешь здоровьем. Вон какой розовощекий!

Антиох не унимался:

– Я владыка небес, бог солнца, истинный фараон!..

– Полагаю, душа Осириса – птица Феникс – уже переселилась в тебя. Остается подождать, когда сгоришь, – насмеялся Артавазд.

– Я заставлю всех признать меня единственным наследником Осириса! Я владыка Египта и Сирии! – кричал бывший царь.

– Ну-ка разведи руки в стороны, – потешался Артавазд, – чтобы походить на древний символ «Крылатое солнце»!

– Смеешься? Ты уже выдохся, а у меня есть то, что дает бесконечный запас энергии – глаз Гора. – Антиох прикоснулся к амулету Уаджет, висевшему на груди: – Тебе не победить!

Артавазд достал из кармана плаща зеленую печать:

– Эта вещица, возможно, разрешит спор.

Увидев цилиндрическую печать, сириец изменился в лице. Не успел он что-либо предпринять, как Артавазд, вложив меч в ножны, завертел цилиндр в ладонях, приговаривая: «О, колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть...»

Он не договорил. Антиох, запаниковав, схватил лежащий на алтаре кошель с золотом и запустил им в царевича, выбив печать из его рук. Каменная печать с грохотом покатилась по полу. Лисенок, сидевший на руках мальчика, вырвался и погнался за зеленым цилиндром. Схватив его в зубы, вернулся к Арташесу.

– Папа, печать у меня! – крикнул мальчик и, увидев, что внимание отца привлечено, бросил цилиндр отцу.

Поймав печать, Артавазд подбежал к алтарю – месту, где ритуалы, таинства и магия совершаются регулярно и влияют

на людей с особой силой, а Драконий перстень воздействует на врага мощнее. Антиох с обнаженным оружием обрушился на армянского царевича, но, попав под влияние перстня, опять застыл, оставшись стоять с занесенным мечом. Теперь Артавазду хватило времени произнести заклинание полностью. Перекатывая в ладонях зеленый цилиндр, он произносил:

– О, колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!

Златокудрый Антиох вдруг потерял ориентацию в пространстве и, уронив меч, стал вращаться, убыстряясь, а потом и вовсе повалился на пол. Его лицо позеленело, взгляд остекленел, тело приняло позу повиновения. Подошел царевич. Сорвав с шеи противника амулет Уаджет и положив себе в карман, он сказал:

– Все колдуны и маги поклоняются зелени.

Повернувшись к сыну, крикнул:

– Арташес, уходим! Осторожно, нас поджидают за дверью!

Выйдя из храма, Артавазд увидел десять головорезов, в нетерпении стоящих за оградой, опасющихся войти на освященную территорию дома богини.

– Ну, если всех не уложу, жизнь отдам дорого. Арташес, попытаюсь их задержать. Прошмыгни между солдатами и беги к portalу. Понял?

– Да, отец!

Артавазд, обнажив меч, смело направился к группе солдат, демонстрирующих в грубой форме свое превосходство: сыпались угрозы и оскорбления. Напав первым, царевич сходу уложил самого крупного и стремительно атаковал следующего. Пытаясь мешать всем сразу и не давая возможности громилам напасть группой, он выказывал выучку и уверенность в собственных силах. Драконий перстень придавал ему неукротимую энергию, негибкое упорство, безудержную ярость и неистовую одержимость. Не ожидая от жертвы такого напора, солдаты растерялись, но все же перешли к атакующим действиям. Артавазд, оказавшись под градом ударов с разных сторон, умело маневрировал и сумел вывести из строя еще двоих.

Арташес, улучив момент, сорвался со ступеней храма и, выбежав за ограду, сломя голову помчался к дому с тремя пальмами. За ним бросился один из головорезов: догнал, сбил с ног, схватил и потащил обратно. Арташес вырывался, кричал. Внезапно к солдату подскочил лисенок. Хищник, обладающий быстрой реакцией и острыми зубами, подпрыгнул и больно укусил врага за палец. Солдат вскричал, отпустил мальчика, а тот, почувствовав свободу, что есть силы рванул к пальмам, лисенок за ним и, добежав до заветной стены, оба нырнули в портал. Через мгновение ни мальчика, ни лисенка уже не было. Подбежавший солдат тупо уставился в белую стену дома, не понимая куда мог деться малец.

Армянский царевич сражался как лев, сразив наповал

четверых, но преимущества пока не добился: еще шесть наемников теснили его. И вот, когда яростный обмен ударами достиг кульминации и казалось, что царевич уступит соперникам, со стороны дома с тремя пальмами чудесным образом появилась Калестрида – красивая, молодая, ослепительная, с волосами, отливающим в вечерних лучах солнца золотом, с повязкой вокруг головы, в легких доспехах, с широким поясом, без шлема, но с оружием в руках: меч-акинак и кинжал кама. Холодно и презрительно взглянув на головорезов, она вклинилась в схватку, нанося налетчикам колющие и рубящие удары. Артавазд с восхищением глянул на воительницу и, вдохновленный ее грациозными и точными движениями, сам стал энергичнее маневрировать. Число нападающих поредело. Калестрида, уверенно работая мечом и кинжалом, ловко вела сражение сразу с двумя громилами, и через мгновение оба оказались у ее ног. Она крикнула:

– Артавазд, царь Тигран прислал меня к тебе на выручку! Бьемся вместе!

– Я рад, Калестрида, – крикнул в ответ Артавазд, – работы хватает!

Артавазд, применив обманное движение, нанес смертельный укол наемнику в грудь, и тот, не успев закрыться, пал в бою. Калестрида фехтовала с детиной, превосходящим ее в росте и силе, но вдруг, нырнув под него, она вонзила свой меч в его промежность. Верзила, взревев, рухнул на землю. Двое оставшихся солдат, видя бесперспективность борьбы,

сочли разумным ретироваться с места боя.

Артавазд воскликнул:

– Ты управляешься с мечом и кинжалом как богиня, я восхищен! Не позавидуешь тому, кто захочет противостоять тебе один на один.

– Я пролила немало крови и потушила свет в глазах многих врагов, – сказала Калестрида, – но только сегодня получила истинное удовольствие, сражаясь на пару с умелым и бесстрашным воином.

– Говорят, женщины-воительницы не очень-то жалуют мужчин... – мягко сказал Артавазд, с симпатией глядя на амазонку.

– Я люблю то, что делаю, и ценю красоту поступка, – Калестрида, умело скрывая восторг, с уважением смотрела на мужчину.

– Делать здесь больше нечего. Пошли!

Они направились к дому с тремя пальмами, и один за другим шагнули в окно пространственного перехода – сначала женщина, потом мужчина.

Глава 5. Туманное пророчество

Царь, сидя в дубовом кресле, задумчиво смотрел на Артавазда. В зале заседаний дворца в Арташате он собрал советников, чтобы еще раз выслушать рассказ царевича о прорицании, а также о происшествии в Птолемаиде из ряда вон выходящее.

– Артавазд, – наконец сказал он, – ты избран богами. Смелые поступки – удел отважных, а бесстрашие есть господство силы духа над телом. Проявленная тобой в Птолемаиде доблесть достойна наивысшей награды – веры и любви окружающих. Поздравляю, сын!

– Спасибо, государь, – ответил на хвалебные слова царевич.

Тигран II, оглядев присутствующих, продолжил:

– Верховная власть – абсолютная, ничем не ограниченная, – конечно перейдет к моему сыну Артавазду, и это подтвердили боги в прорицании, полученном в Храме судеб. Я хочу, чтобы постичь смысл послания богов, услышать от моих советников толкование текста. Говорите!

В жестких креслах с высокими спинками полукругом напротив царя сидели верховный жрец Спандуни, греческие философы Метродор и Амфикрат, армянские мудрецы Евсевий и Айказ. Все посмотрели в сторону сына царя.

Встал и заговорил Спандуни, старейший из присутствующих.

щих:

– Государь! Мы готовы дать тебе совет, даже если он вызовет твое неудовольствие.

– Верховный жрец и вы, мои советники, – произнес царь, – я приму ваш совет. Говорите как есть!

Поднялся Евсевий, советник царя по мистике:

– В прорицании четко сказано: «Цели заветной – власти верховной меж равных царей достигнешь». Боги, несомненно, видят царем царей после тебя, государь, Артавазда. С выбором преемника, доказавшего, что он может вести народ за собой, ты не ошибся. Уверен, люди признают в нем представителя бога на земле.

Евсевий сел, поднялся Амфикрат:

– Твой поступок сообщает миру: в государстве есть законный наследник, способный обеспечить нации благоденствие, но... боги с лазурных небес наблюдают и нерешительность видят. Почему?

Царевич молчал, потупив голову. Встал Метродор:

– Артавазд, ты смелый и решительный воин, но, прости, я назову одну твою слабость: долго взвешиваешь доводы, риски и варианты. Принятие решения у тебя занимает много времени. Наверное, тому есть причины, например боязнь совершить ошибку. Но царю всю жизнь приходится думать за других. Победи нерешительность, смотри на картину жизни целиком, не говори «нужно», говори «могу», не бойся трудностей! А если ошибешься, не переживай, ищи выход из по-

ложения.

– Я запомню, учитель, – сказал Артавазд.

– Как же оказался в Птолемаиде Арташес? – спросил царь.

– Не знаю, отец.

– Он подвергался страшной опасности! Хорошо что все обошлось, – Тигран переживал случившееся. – Слава богу Арамазду, внутренний стержень у внука наш, Арташесидов! Дрался с наемником, говоришь? – улыбнулся Тигран.

– Да, государь. Вырвался и убежал, а в критический момент, когда Антиох выбил из моих рук зеленую печать, именно Арташес не растерялся, с помощью ручного лиса нашел ее и спас положение.

– Каков мой внук! Молодец!

Все заулыбались. Встал Айказ, молодой (по меркам философов), всего сорок лет, и сказал:

– Артавазд, ты сохранил в сложной жизненной ситуации душевное равновесие, проявил стойкость и волю. Я преклоняюсь перед тобой, но...

Присутствующие перестали улыбаться и внимательно посмотрели на Айказа, ученого, прошедшего полжизни в библиотеках, исследуя божественные пророчества. Предметом его поиска было постижение смысла, который таят предсказания, дабы избежать поворотов судьбы. Работал он тайно и о результатах докладывал только царю.

– Артавазд, – помедлив, продолжил Айказ, – боги через Таблицу судеб, поведав о твоём будущем, сказали: «Рас-

судком твоим завладеет царица Востока, блудница мерзкая; власть серебром ограничит, игрушкою сделав; чарам поддавшись, голову потеряешь». Это меня настораживает. Что ты сам об этом думаешь?

– Айказ, я не понимаю... Какая царица Востока, что за серебро, почему я должен потерять голову?

Тигран проронил:

– Артавазд нежно любит свою жену Анаит, и, думаю, страстью к другой женщине не поглощен. Но все же... что может означать пророчество?

Айказ высказал предположение:

– Боги заложили глубинный смысл в пророчество, простому смертному понять не дано. Однако человек должен стремиться к истине, какой бы безжалостной она ни оказалась.

Царь подтвердил:

– Да! И не только понять истину, но найти способ изменить судьбу.

Поддержал царя Спандуни:

– Найдешь истину – докажешь не только незыблемость божественных прорицаний, но и получишь силу перед лицом безжалостного рока.

Царь встал, встали со своих мест и остальные. Тигран произнес:

– Мудрецы, я услышал что хотел. Советы мудрецов могут не нравиться, но они нужны, чтобы не мучила совесть, а еще принять с облегчением тягостное решение или совер-

шить отчаянный поступок, о котором раньше и помыслить не мог. Все свободны! Артавазд и Евсевий, задержитесь.

Советники вышли. Царь, пройдя по залу гордой походкой, остановился у окна. Вид на гору Арарат не только успокаивал его, но и наводил на нужные мысли, открывая тайную суть замыслов богов. Повернувшись к Артавазду, он сказал:

– Сын, тебе придется отправиться в Египет – страну сколь чудесную, столь и опасную. Египет должен остаться в зоне моего влияния.

Сражаясь с Антиохом, Артавазд убедился в нечеловеческих способностях бывшего сирийского царя. Несомненно, в путешествии ему доведется встретиться с магией и сверхъестественными событиями. Задание отца требовало разобраться с какими силами столкнулись армяне. Нужно обязательно помочь Птолемею XII справиться с ситуацией, узнать кто жаждет его смещения, оценить шансы на дальнейшее успешное правление. Артавазд воин, и никто из посвященных в тайны древней страны не смог бы выполнить эту миссию лучше.

Царевич был воодушевлен:

– Отец, есть тайны, которые следует раскрыть, так как они отравляют жизнь друзьям, а врагам дают повод навредить. С нетерпением жду отбытия.

– Выясни кто такой Вельзевул и что он задумал, – сказал царь. – Вместе с тобой в Египет отправится Калестрида.

– Амазонка? Но зачем?

– Она будет охранять и защищать тебя. Кроме того, она знает Вельзевула в лицо и укажет на него.

– Я и сам справился бы с задачей. Прорицание ясно говорит...

– Она воин, хорошо владеет оружием, да и мне будет спокойнее. Пусть Вельзевул своим беспокойством выдаст откуда тянутся нити заговора.

Мудрец Евсевий, лукаво посмотрев на царевича, сказал:

– Хорошо бы обнаружить тайник бога Тота и Свиток творца. Но вот что меня волнует: готов ли ты к путешествию?

– Готов, учитель.

– Помни: Египет – единственная в мире страна, устремленная не только в будущее, но и в прошлое. Глубокое знание истории позволяет избежать гибельных последствий судьбы.

– Я читал рукописи по истории Египта.

– А вот мы сейчас проверим! – хихикнул мудрец. – Скажи, почему, проиграв сражение с врагами, египетские цари приказывали писать на стенах храмов «сражение выиграно»?

Артавазд задумался, потом ответил:

– Думаю, они мнили себя богами, а боги не могут ни в чем потерпеть неудачу.

– Верно! – Мудрец, прищурившись, задал следующий вопрос: – Скажи, в чем главный секрет величия и могущества египетских царей?

Царевич не знал. На помощь пришел царь:

– Сын, главный секрет величия и могущества заключается не в способностях царя Египта, а в умении объединить усилия большого числа людей для решения наиважнейшей задачи. Например возвести небывалую пирамиду.

– Да, отец, я запомню.

– Кстати, о пирамидах! – Евсевий задал очередной вопрос: – Для чего фараоны строили пирамиды?

– Возможно, чтобы возвеличить царя... – царевич пытли-во смотрел на ученого: угадал ли?

– Не только.

Артавазд задумался, затем, глянув в окно на гору Арарат, воскликнул:

– Угодить богам!

– Да, царевич! Отношения с богами во все века строятся по принципу «ты мне, я тебе». Люди сооружают богам величественные храмы и огромные пирамиды, а боги дают людям разлив Нила и обильные урожаи. Так сказать, взаимобмен. – Наконец мудрец задал последний вопрос: – Кто в Египте сражается, но не побеждает, и сам не бывает побежден?

Сын царя, немного подумав, улыбнулся и произнес:

– В пустыне живут кочевники. Они слабы против армии фараона, но и армия не может с ними справиться в пустыне.

– Так, царевич! – Довольный Евсевий обратился к Тиграну: – Он готов!

– Артавазд, – царь серьезно смотрел на сына, – готовься

переместиться в Египет и помни египетскую поговорку: «Если зло не исправить, оно удвоится». Мой совет: верь в себя, доверяй интуиции, действуй разумно и не ввязывайся в драку без необходимости.

В одной из комнат гарема арташатского дворца Седа, бывшая любимая наложница Тиграна, красивая и властная черноволосая армянка, сидела на диване и, положив голову сына на колени, расчесывала роскошные кудри юноши. Ее Аршам, внебрачный сын царя, атлетически сложенный и одного возраста с Артаваздом, не имел никаких прав на наследование трона. Его не отличали ни глубокий ум, ни быстрая сообразительность – только яркая внешность и веселая беспечность. Обучаясь вместе с другими сыновьями Тиграна II, он достиг великолепных показателей в верховой езде, стрельбе из лука и фехтовании на мечах. Всегда без утайки рассказывая матери о своих похождениях, Аршам ждал ее оценки этим поступкам, а она старалась внушить сыну: «Ты достоин большего, впереди необыкновенное будущее».

Седа была несчастна. Как известно, только брак приносит женщине радость: в нем она чувствует смысл жизни. Конечно, быть наложницей царя – великая честь, но зависть стала ее второй натурой. Под влиянием зависти появились раздражительность, несдержанность и беспокойство. Раньше она завидовала официальной жене армянского властителя Клеопатре Понтийской, ныне удаленной из дворца за измену и

попытку физического устранения монарха. Жена, стремившаяся к единоличной власти, теперь жила у брата в Боспорском царстве – подальше от гнева Тиграна.

Новым предметом зависти стала молодая наложница Аревик, самая красивая девушка гарема: длинные пышные каштановые волосы, пухлые губы, миндалевидные глаза, обаятельная улыбка, гордая осанка, тонкая талия и крутые бедра – всё сводило царя с ума. Тигран давно потерял интерес к Седе (ей было за сорок), и все свободное время проводил с молоденькой Аревик, видя в ней совершенное создание, почти богиню. Седа ненавидела Аревик.

– Ничего, сынок, придет время, и ты станешь великим. Вместе с тобой возвышусь и я, мой мальчик. Все в этом дворце будут внимать каждому моему слову, а тебя, самого одаренного и красивого, прославлять и уважать.

– Мама, я не чувствую удовлетворения жизнью. Хочу большего! Иногда представляю себя на месте Артавазда, и тогда страсть овладевает мной. Мне мерещится как все восхищаются моими достижениями, как царь дает самые важные поручения, как, преодолевая опасности, восхожу на вершину горы и разговариваю с богами...

– Аршам, сынок, все исполнится. Кому дозволено больше, тот сорвет с древа желаний самый спелый плод.

– Я каждый день посылаю мольбы богам. Не хочу подчиняться разуму, жажду возвыситься, преуспеть во всем.

Тщеславный юноша встал с дивана, нежно посмотрел на

мать и сказал:

– Мама, мне надо идти. Сегодня кабахи. Хочу выиграть, а заодно выведать у Артавазда, какое поручение дал ему царь. В последнее время он ходит задумчивый, отрешенный.

Кабахи – армянская конная национальная игра. Имитируя боевые действия вооруженных всадников, стрельба из лука по мишени со скачущей лошади, развивала меткость и двигательную координацию.

В галерее второго этажа дворца кто-то окликнул Аршаму. Обернувшись, он увидел у балюстрады Рипсимэ. Двадцатилетняя дочь садовника мечтала о жизни в дворце, заводила знакомства с сыновьями царедворцев, пыталась понравиться царским сыновьям. Тигран Младший, когда он еще не был изгнан из Армении, наигравшись с ней, бросил. Артавазд отверг ее притязания сразу, и вот Аршам... Свежая, изящная, раскованная, она слыла красавицей, умной и образованной девушкой; на нее заглядывались все парни в городе, но она остановила выбор на Аршаме. Вот и сейчас ее карие глаза загорелись, увидев предмет своего обожания. Очаровательная армянка Рипсимэ выглядела потрясающе: изящная фигура, белоснежная кожа, темные глаза, чувственный изгиб бровей, полные манящие губы, небесно-голубое одеяние и золотые украшения.

– А, Рипсимэ! Как поживаешь?

– Ты обещал прийти... Я напрасно прождала тебя вчера.

– Был занят... Вот сегодня кабахи. Собираюсь утереть нос зазнавшемся

Артавазду, – юноша был холоден.

– Страхусь признаться, но мое сердце изнывало от ожидания, – потупив взгляд, произнесла Рипсимэ.

Глубокое чувство привязанности затмевало ей глаза, сбивало с толку, заставляло сомневаться в обреченности отношений, но... постоянный праздник закончился. На лице Аршама никаких эмоций.

– Наши отношения – недостаточный повод для свадьбы. Лучше расстаться. Я сын царя, а ты дочь садовника и не пара мне, – Аршам отвел взгляд.

Тень пробежала по хорошенькому личику девушки. Мучаясь в неведении, она уже проплакала в подушку бессонную ночь, и вот сегодня ее пылкая любовь окончательно умирает... Аршам, давая понять, что их отношения угасли, бесстрастно говорил:

– В разлуке есть и привлекательные стороны: мы останемся друзьями, страсть время от времени может вспыхивать...

– Аршам, я познала любовь к тебе, а теперь, как раненая птица, бьюсь об стену твоего равнодушия, теша себя напрасными надеждами...

Боль расставания и горечь разлуки снедали бедную девушку. Взглянув безучастно на дочь садовника, Аршам вымолвил:

– Девушкам свойственно надеяться, но разумнее не предаваться отчаянию от беспомощности и тоски. Ты красива, все мужчины восторженно смотрят в твою сторону. Так пользуйся этим!

Юноши из знатных семейств считали честью и священным долгом службу в коннице царя, поэтому состязания типа кабахи и низаки-нетум (поражение цели на быстром алюре копьем) проводились каждую неделю. Сегодня устроили армянскую конную игру кабахи. Темпераментная и азартная игра, развивающая меткость и глазомер, требовала на полном скаку с расстояния сто семьдесят шагов сбить с высокого столба чашу, кубок, тыкву или яблоко.

Состязания шли на поляне за городом. Слуги поставили тыквы на высокие столбы, и шестеро юношей из окружения царевича по команде, один за другим, на галопе метали копья. Двое не попали в цель и выбыли из борьбы. На следующем этапе метали дротики по глиняным чашам: еще двое выбыли из соревнований. Как всегда, лучшие результаты показали Артавазд и Аршам, они и продолжили борьбу.

– Что, Аршам? – кричал Артавазд, разгоряченный от схватки, гарцуя на своем скакуне. – Сейчас мы узнаем кто лучший в стрельбе из лука!

– Я стреляю из лука лучше тебя, Артавазд! – воскликнул Аршам. – Моя стрела всегда достигает цели, даже если та прячется или исчезает!

Нелегко, сидя на скачущей лошади, точно попасть в мишень, а в небольшое яблоко тем более. Артавазд изготовился к стрельбе, вставил стрелу хвостовиком в гнездо и с места поднял коня в галоп. Копыта бьют землю, всадник, растягивая лук, несется по дорожке, зрители кричат, эмоции захлестывают. Не изменило присутствие духа меткому стрелку и на этот раз. Вот он повернулся, коснулся тетивой подбородка, прицелился и выстрелил. Стрела точно поразила цель – прямо в яблочко!

С широкой улыбкой Аршам приблизился к царевичу:

– Говорят, хороший выстрел сражает наповал, как взгляд стреляющей глазками девушки, – в руках Аршам держал то самое яблоко, пронзенное стрелой.

– Что ж, теперь твоя очередь, Аршам, – улыбался Артавазд. – Удиви нас!

– Куда уж мне тягаться с великим Артаваздом! – шутил Аршам. – Хотя бы край яблочка задеть стрелой!

– Не скромничай, стреляешь ты отлично, – остывая от перипетий состязания, весело сказал царевич.

На резвом коне по команде судьи Аршам полетел по дорожке и, повернувшись к мишени, почти не прицеливаясь, выпустил стрелу. Все, затаив дыхание, наблюдали за ее полетом. Стрела, аккуратно срезав верхушку яблока, улетела далеко, а слуга, сняв половинку плода со столба, уже бежал к стрелку. Аршам подъехал к Артавазду и с притворным огорчением сказал:

– Как и говорил, сумел лишь задеть мишень...

– Выстрел великолепный! – восхищенно воскликнул царевич. – Ты достиг мастерства в стрельбе из лука, его не превзойти никому.

– Терпение, время, немного таланта – и успех обеспечен! – сын наложницы был польщен.

Когда юноши ехали к стойлу, Аршам как бы невзначай спросил:

– Последнее время ты очень задумчив. Царь дал тебе новое поручение?

– Да, друг. Придется выполнить сложное задание, полное опасностей и приключений. Но мне даже нравится рисковать жизнью: хочу испытать острые ощущения в далеком Египте...

– Египет?! – У Аршама загорелись глаза. – Артавазд, возьми меня с собой! Жизнь наполняется новым смыслом, если риск и опасность становятся обыденностью. Всегда мечтал испытать миг безграничных возможностей.

– Я хотел... – Артавазд растерянным взглядом смотрел на друга: – Свою жизнь могу доверить только тебе, единственному в мире, кто стреляет навскидку без промаха. Но царь приказал взять в телохранители амазонку.

– Что?! – Аршам был возмущен. – Всем известно, что в критической ситуации амазонки впадают в оцепенение: происходит либо всплеск агрессивности, либо упадок сил. Ей бы себя защитить.

– Царь другого мнения, он даже доверил ей охранять какой-то необыкновенный жезл. Намучаюсь я с ней. Еще вопрос кто кого будет охранять...

В покоях царевича его жена Анаит вся извелась: ее страшило неведомое поручение царя Артавазду в Египте.

– Дорогая, – говорил он, вернувшись с состязаний, – беспокоиться не о чем, я буду отсутствовать недолго. И знаешь кого царь приставил ко мне для охраны? Амазонку! Ту самую, что пыталась похитить бронзовый жезл с глазами.

– Эту ужасную силачку? Невероятно! Артавазд, она холодная, мужеподобная, безгрудая и воинственная; на уме лишь чужие мужчины, своих ведь нет!

Анаит охватило сложное чувство: страх потери мужа, недоверие к амазонке, желание удержать Артавазда подле себя любой ценой. Она помнила, как брат мужа,

Тигран Младший, волочился за любой красивой девушкой, бездумно бросая надоевшую любовь. Да и сам царь, отец Артавазда, не отличался постоянством. Она пыталась отбросить эти мысли, возникающие как реакция на собственное несовершенство, но сомнения в любви и верности мужа не оставляли ее. Тревожно-мнительный характер женщины явно преувеличивал опасность.

– Наши дети будут очень скучать по тебе. Арташесу уже восемь, он такой непоседа, мне будет трудно за ним сле-

дить. А Тигранчику только два года, он требует столько внимания... Я в растерянности...

Муж подошел к ней, обнял и поцеловал в губы:

– Анаит, милая, мне никто кроме тебя не нужен. Эта женщина тебе не соперница. Калестриду (так ее зовут) назначили телохранителем против моей воли. В храбрости ей не откажешь, она неплохо стреляет из лука, замечательно метает копье, отлично владеет острым топориком. Сразиться с ней в открытом бою боятся многие мужчины. Но разве она может сравниться с тобой!

– Мы десять лет вместе... – слова Анаит разносились эхом.

– Только ты мне нужна. Прошло десять лет, а я не перестаю восхищаться твоей красотой, мягким характером и живым умом. В моих глазах ты само совершенство.

Анаит нежно и с надеждой смотрела на мужа, и слезы выступили на ее глазах:

– Пусть только попробует тебя соблазнить, – голос ее звучал тихо. – Вырву ей все кудри...

Глава 6. Мистическая сущность государства

Рим – центр мира. В это верили римляне и заставили верить всех. Здесь сфокусировались энергии и силы, сделавшие Рим властителем могущества. Вот почему этот город мог позволить себе бурную и беззаботную жизнь. А грандиозные проекты – многоэтажные дома, небывалые акведуки, прекрасные дороги, помпезные храмы – стали важной частью величия республики, породившей созвездие богатейших людей мира, коими становились полководцы и консулы. Ведя непрерывные войны за пределами страны, они имели огромные армии и гораздо больше влияли на политику, чем сенат. Эти люди верили, что выполняют божественную миссию и что римляне имеют неоспоримое превосходство над другими народами – щадить покоренных, усмирять гордых. Вторгаться и наводить порядок – не только право Рима, но и обязанность.

С некоторых пор Римскую республику стал волновать Восток, и республика обратила жадный взор на Армению и Египет: требовались рабы, богатые трофеи, зерно, масло, вино, научные знания, а также непознанное, манящее великими тайнами.

От всех бед Рим охраняла священная статуя-оберег Пал-

ладий, изображающая Афину Палладу. Рим не мог пасть (так считалось), пока в стенах города находится эта небольшая деревянная фигура. Весталки (жрицы очага богини Весты), хранительницы, прятали Палладиум в сокровенном месте храма под каменным полом (там лежали и другие символы империи). Лишь главная жрица (верховная весталка), немолодая, статная и умная женщина, знала, что талисман ненастоящий, да к тому же сильно обгорел при пожаре. Подлинник же был у царя Тиграна в Великой Армении. Однако римляне свято верили, что сакральный предмет настоящий и он приносит им могущество, славу и счастье. Через четыреста лет, при императоре Константине, «талисман империи» был перенесен из Рима в Константинополь, где его захоронили под колонной Константина.

Храм Весты, как очаг государства, был особенно притягателен для политиков и полководцев, а для римлян он был центром Вселенной. Жрицы-весталки вшестером оказывали услуги: любой мог получить огонь для домашнего очага. Здесь же хранились завещания значимых персон Рима, и здесь могло снизойти божественное откровение на выдающихся лиц страны. Весталки отказывались вступать в брак и, сохраняя целомудрие на время своей тридцатилетней службы, посвящали жизнь соблюдению религиозных ритуалов и поддержанию священного огня в храме. Согласно мифу, однажды Веста во время прогулки уснула, и ее увидел бог плодородия Приам. Крик осла, разбудивший Весту, спас боги-

ню от посягательств Приама, и именно на этом месте – на римском форуме – и был построен круглый храм.

Сюда пришел Гней Помпей, завершивший блестящую операцию по очистке Средиземного моря от пиратов, досаждавших в течение многих лет Риму. Справившись с задачей всего за три месяца (с ней до этого никто справиться не мог), он готовился в новый поход (на Восток) и хотел испросить благословления богини. Лукулл с восточного театра военных действий был отозван сенатом, а народное собрание приняло закон о назначении новым главнокомандующим войсками Помпея. Цель – усмирить злодея Митридата и заставить армянского царя Тиграна уважать Рим. Закон устанавливал конец войны до полной победы над Митридатом или его смерти. Гней получил право набирать легионы и назначать по своему выбору легатов.

Вчера Помпей уже выслушал авгуров, истолковавших волю богов путем ауспий – гаданий по полету птиц, в основном ворон, – но остался неудовлетворенным. Провал и позор Лукулла, как бы это ни называли в Риме (порой факты неудачной армянской кампании просто замалчивали), сильно тревожили Помпея. Как человека, подверженного суевериям, эта мысль удерживала его от начала масштабной войны с Арменией. В смешанных чувствах военачальник искал решение.

Его встретила верховная жрица и подвела к священному огню:

– Здесь, в храме Весты, сосредоточены величайшие космические силы. Ты пришел посоветоваться о делах войны, и ты получишь божественное послание.

Как бы то ни было, а получение и толкование божественных посланий играло решающую роль в принятии решений. Помпей знал это и сразу почувствовал в храме прилив неведомой ему энергии.

Вошли пять молоденьких весталок. Одна из них произнесла:

– Мы, жрицы богини Весты, откроем тебе ее послание. Что тебя тревожит?

Помпей, посмотрев на девственно чистых весталок и сокровенный очаг Весты, задал вопрос:

– Как поступить с Арменией в ходе моего похода на Восток?

– Принеси жертву священному огню, и ты получишь откровение богини.

Жертвоприношение огню – это возлияние вина и масла. Помпею подали черный глиняный сосуд с ручкой и узким горлом, и он стал лить вино в огонь. Пламя поднялось ввысь. Он взял из рук весталки красный сосуд с маслом, и, как только масло попало в огонь, пламя ярко вспыхнуло, полетели искры. Помпей отшатнулся, но одна искра все же упала на его тогу.

– Божественное слияние! – воскликнула молодая жрица. – Богиня благоволит тебе.

Встав в круг, весталки посовещались, и одна из них произнесла:

– Только одна искра коснулась тебя. Этого недостаточно, чтобы провести успешный военный поход.

– Что?! Армения не покорится мне?

– Посоветуйся с другими богами.

Подавленный Помпей вышел из храма. Его обступили помощники и телохранители.

– Мне нужно получить пророчества других богов, – сердитым тоном сказал полководец и направился к зданию Регии, находящемуся напротив храма Весты.

Регия – бывшая резиденция царей Рима, а теперь местопребывание великого понтифика. Здесь хранились архивы, формулы всех молитв и клятв, исторические анналы, законы и магические предметы. Великий понтифик Метелл немедленно принял Помпея.

– Великий понтифик Рима, приветствую тебя! – по-военному громко сказал Помпей.

– Что привело столь блистательного полководца в дом Марса? – спросил понтифик, провожая его в зал, где происходят совещания коллегии понтификов. На Метелле была белая тога, на голове шапочка, на шее железный жертвенный нож на цепи – важнейший атрибут. Украшения зала – оружие, доспехи и снова оружие – блестели в лучах солнца, проникавших сквозь открытую дверь. Как только сели в обитые белой материей кресла, Помпей, посмотрев в глаза собесед-

нику, прямо спросил:

– Удачным ли будет мой поход в Армению?

Понтифик встал и, прогуливаясь по залу, поглаживая свой железный жертвенный нож, о чем-то думал, а потом начал говорить:

– Удача не ускользает от тех, кто готов схватить ее за хвост. Несомненно, доля удачи в твоей победе будет: римское оружие непобедимо.

– Это так, – сказал Помпей, – но все же?

– Я, великий понтифик Рима, провозглашаю: любая сила, вознамерившаяся воспрепятствовать тебе, обречена на провал. Более того, она будет уничтожена, поскольку то, что стоит на страже Рима, непобедимо и несокрушимо.

Помпей, гордо подняв голову, провозгласил древний вдохновляющий девиз:

– Непокоренный Рим!

– Да, Гней! И что бы ни случилось, – торжественно объявил понтифик, – Рим всегда будет возрождаться и укреплять свое могущество. Ты находишься под защитой римских богов, тебя ждет немеркнущая слава! Пойдем со мной, ты убедишься в правоте моих слов.

Помпей встал и последовал за разгоряченным понтификом. Пройдя внутренний дворик, вымощенный туфом, они оказались в святилище Марса. На стене висели двенадцать бронзовых щитов и копье. Все щиты были выполнены в форме эллипса с выемками по бокам. Метелл тихо и торжественно

но сказал:

– Один из этих щитов Анкил. Укажи на щит Марса.

Анкил – легендарный щит бога Марса, упавший с неба при римском царе Нуме Помпилии ему в руки во время моровой язвы. Чудесное явление сопровождалось голосом, объявившим, что Рим будет владыкой мира, пока обладает этим щитом. Чтобы настоящий щит нельзя было отличить и украсть, царь распорядился сделать еще одиннадцать таких же.

Помпей растерялся. Все двенадцать щитов были одинаковыми, начищенными до блеска, и повторяли друг друга в мельчайших деталях.

– Ну смелее, Гней! – подбадривал понтифик, широко раскрыв глаза и жадно следя за действиями военачальника. – Прислушайся к своему сердцу. Если ты укажешь подлинный щит, дотронувшись до него, копьё Марса дрогнет.

Помпей прошелся вдоль стены со щитами, ничего не почувствовав. Оглянувшись, он ощутил некое притяжение и медленно приблизился к пятому слева доспеху. По щиту пробежала еле заметная искра, и Помпей, подняв руку, коснулся его. Копьё Марса внезапно дрогнуло, оба римлянина конвульсивно повернулись и уставились на оружие.

Изумленный Помпей выкрикнул:

– Невероятно, получилось!

– Гней, ты избран богом! – возвестил Метелл. – Ты указал верный щит! Бог Марс покровительствует тебе. Твоя победа

в войне с Арменией предрешена!

Помпей радостно воскликнул:

– Победа там, где согласие с богами!

Потом его чувства вдруг смешались. Погрустнев, он прищурился и, в свойственной ему манере ставить всех в тупик, жестко спросил:

– Почему же не получилось у Лукулла?

Понтифик смутился, не зная, что сказать, а потом выдавил из себя:

– Возможно, в Армении скрывается магическая сущность, равная по силе римской. – Он пожал плечами: – Здесь есть о чем подумать.

Помпей сверлил его взглядом, а служитель бога, отведя в сторону глаза, произнес:

– Гней, вот что я тебе посоветую. В храме Юпитера на Капитолийском холме сегодня ночью ты можешь получить пророчество. Будешь спать под колоннадой храма и внимать откровениям вещего сна. Уверен, ответ на твой вопрос будет.

...В храме Юпитера, пророческом центре Рима, было тихо и безлюдно-зловеще. Храм предназначался для поклонения божественной триаде: Юпитеру, его жене Юноне

и дочери Минерве. После пожара храм недавно отстроили заново, и он выглядел совсем новым. Помпею стало не по себе, когда поздним вечером, в темноте, поднимаясь на

Капитолийский холм за человеком с фонарем, его стали терзать навязчивые мысли. Великий полководец хочет получить послание богов, чтобы понять, как поступить с Арменией – покорить мечом эту дикую, но богатую страну, взять ли хитростью или прельстить дружелюбием? Неясно, как поступить, с какой стороны подойти к проблеме. Несомненно, имелись высшие силы, оберегающие эту страну и не позволяющие римлянам поступить по общепринятой схеме: лишение независимости, порабощение, размытие культуры, религии и языка и наконец превращение в римскую провинцию, где права имеют только римские граждане, а остальные либо рабы, либо никто.

Храм Юпитера – символ власти, силы и бессмертия Рима – имел фасад с тремя рядами по шесть массивных колонн, подпирающих треугольный фронтоном со статуями волчицы и Юпитера, и в этом храме часто собирался сенат. Под сводами храма разнеслись гулкие шаги полководца по каменному полу. Подошел жрец, дал испить из золотой чаши священный напиток, указал место и ушел. Помпей расстелил плащ у одной из колонн и прилег, устремив взгляд на небо. Множество звезд представлялись ему серебряными гвоздями, вбитыми в небесный свод, и их мерцание доказывало бесконечную вечность.

Он уснул и увидел сон: царь Армении встает перед ним на колени и протягивает золотую диадему – символ власти. Также протягивая Помпею белую шерстяную ленту предво-

дителя нации, он говорит: «Мое царство у твоих ног, правь им!» А Помпей поднимает царя с колен и возвещает: «Я объявляю тебя другом и союзником римского народа! Продолжай править в интересах Рима и мира, и отныне мы с тобой вместе будем решать судьбу других государств!»

Глава 7. Тигран

II

и ход истории

По дорожкам сада царского дворца в Арташате торопливо семеня старик Вараздат. Мудрец, астроном и астролог в свои девяносто пять продолжал служить царю Тиграну II, как и его отцу. Прогнозы этого астролога Тигран ценил, и ученый, еженощно поднимаясь в обсерваторию на крыше дворца, чтобы по звездам читать небесную книгу, сообщал государю о надвигающихся событиях, предугадывал судьбу и Армении, и ее царя. Седовласый, с длинной бородой старик оставался энергичным, имел живую речь, сохраняя в голосе бодрый настрой. Он спешил к царю, находящемуся в этот час в беседке под сенью платанов, беседуя со своим младшим братом Гурасом, которому безмерно доверял.

Гурас по натуре философ, ученый и прирожденный дипломат. Ему уже исполнилось шестьдесят пять, но он полон сил, мужской красоты и обаяния, всегда чувствовал настроение и мысли царя лучше других.

– Ты много строишь, брат. В Арцахе заканчивают возведение еще одной столицы, названной тобою Тигранакерт, –

говорил Гурас.

– Строительство – это средство увековечить себя, дорогой брат, – сказал Тигран. – Наш дед Арташес I царствовал двадцать девять лет и, умирая, горестно заметил: «Увы, все на свете бренно». Пусть о моем правлении останется память – большие и красивые города.

Вокруг беседки раскинулся ухоженный и тенистый сад. В нем росли груши, гранаты, смоковницы, яблони, айва... Спрятанная от посторонних глаз густой и причудливо подстриженной изгородью беседка была украшена гирляндами цветов, а сверху свисала роза – знак «сказано под розой» (то есть все, о чем здесь говорят, должно сохраниться в тайне). Кругом благоухали цветы: прекрасные асфоделии и мускари, нежные фиалки и незабудки, красивые, но ядовитые дельфиниум и аконит.

– Гурас, посмотри!

Тигран сорвал лиловую фиалку, росшую рядом, и положил на мраморный стол. Царь в своем преклонном возрасте созерцал и любовался природой как высшим мерилom всех ценностей, жил в гармонии с ее ритмами. Гурас знал, что фиалка – самый почитаемый государем цветок. Ее яркие лепестки олицетворяли удивление, любопытство, любовь и скромность человека, творящего добро. У фиалки чудный, ни с чем не сравнимый запах.

Гурас, разглядывая цветок, поддержал лирическое настроение брата:

– Почитаемый мною Гомер писал, что греки воспринимали окружающую природу чувственно-эстетически...

– Эстетика греков в достижении гармонии во всех сферах жизни постепенно захватывает армян, – заметил царь.

Действительно, красивая скульптура, передовая философская мысль, уважительное отношение к природе нравились людям; они стали с удовольствием ходить в театр, читать рукописи и книги. Интересный факт: потребность в пергаменте в царстве росла с каждым годом, чего прежде не бывало.

В этот момент появился астролог.

– Государь, случилось невероятное! – сообщил запыхавшийся ученый.

– Вараздат, рад тебя видеть, – Тигран был удивлен. Астролога к нему допускали всегда без доклада.

Старик, еле отдышавшись, сел на мраморную скамью и в упор посмотрел на царя:

– Тигран, я каждую ночь слежу за небом, старясь предвидеть благополучные периоды или времена кризиса.

– Я знаю, Вараздат, и ценю это.

– Сегодня ночью я наблюдал то, что предвещает войну...

– Конечно, жизнь на земле течет по космическим правилам, но все же: что тебя так взволновало?

– Я видел летящий щит!

– Щит? В смысле военное снаряжение?

– Да, именно!

Тигран недоверчиво смотрел на астролога:

– Как он выглядел?

– Имел форму эллипса с выемками по бокам... Сверкая огнями, он летел высоко над рекой в сторону горы Арарат.

Тигран и Гурас переглянулись: не спятил ли старик?

– Что говорит наука по поводу таких явлений? – Тигран смерил мудреца пристальным взглядом.

– Такими явлениями боги дают предупреждение людям, – проговорил Вараздат с убитым видом и поднял голову к небу.

Предупреждения бывают разные: иногда с неба льется не только вода, но и кровь, появляются огненные кометы, полыхает ослепительное зарево, возникают блики света. Но полет доспеха над землей говорит о войне. Старик опустил голову, о чем-то задумавшись. Наступившую паузу прервал Тигран:

– Значит, боги посылают знак о предстоящем событии... Почему щит, почему ты уверен, что грядет война?

Старик рассказал, что всю ночь и все утро в старинных манускриптах искал ответ на этот вопрос. В одном из них он нашел любопытную запись. С давних пор римляне имеют щит – подарок богов – в форме эллипса с выемками по бокам, способный отвращать беду от Рима, и делая его непобедимым.

Гурас удивился:

– Рим имеет такой мощный оберег?

Вараздат поведал братьям, что семьсот лет назад, когда

Римом еще правили цари, Нума Помпилий, очень мудрый царь, заслужил милость богов. Он запретил человеческие жертвоприношения и ни разу за сорок два года своего правления не развязал войну. Боги вознаградили его: с неба упал тот щит.

Гурас растерянно смотрел на Тиграна:

– Кто-то из богов предупреждает о грядущей опасности?

– Может предупреждает, а может пугает... – царь выглядел раздосадованным.

Весь мир знал, что армянское царство уникально с точки зрения своего расположения. Здесь, на Армянском нагорье, Тигран контролировал Запад и Восток. Кому-то это не нравилось, но страны Азии были заинтересованы, чтобы в Великой Армении были порядок и спокойствие. Благодаря этому конфликты гасли, не начавшись, а мир в Азии поддерживался твердой рукой.

– Брат, – негромко сказал Гурас, – прими как истину: Рим никогда не согласится с твоим доминированием в Азии, он сам хочет быть арбитром.

– Диалог цивилизаций не получается, – с сожалением констатировал Тигран. – Прошлая война привела к подрыву отношений двух стран.

Послевоенную ситуацию в Азии определяли две державы – Рим и Великая Армения, но через обе эти державы проходила ось конфронтации.

Дрогнувшим голосом Гурас произнес:

– Есть признаки, что противоречия обостряются. Сенат Рима, и тебе это хорошо известно, хочет вынудить нас пойти на уступки.

– Я не уступлю! – бросил царь.

– У них есть желание превратить Армению в вассальное государство.

– Это им не по зубам!

– Они предъявляют народу Рима фиктивные, ничем не подкрепленные доказательства твоей агрессивности.

– Мы упрочим безопасность своих рубежей, любого врага встретим во всеоружии.

Гурас, взбудораженный тяжелым разговором, еще минуту назад протекавшим в философско-лирическом тоне, видел, как изменилось настроение царя: его лицо горело желанием вступить в битву, сражаться и победить. Тиграна задело, что противник, получив несколько лет назад отпор (армия Лукулла была разбита и изгнана с армянской земли), вновь угрожает его стране.

– Но твоя экономика слабее римской. На Рим работает весь мир...

– Возможно, я потерплю поражение, но история стирает из памяти тех, кто перестает сражаться.

– Нестабильность твоих отношений с Римом навредят всей Азии...

– Битву нельзя выиграть без боя, справедливость не восторжествует без борьбы! – упрямо твердил Тигран.

– Да, брат, я такого же мнения, как и ты... – Гурас, смилившийся с мыслью о грядущей войне, расстроился. Возникла пауза, но внезапно он увидел, что по лицу царя пробежала загадочная улыбка.

Тигран уже подавил всплеск эмоций. Он ясно осознал, что могущественный Рим сильно встревожен ростом влияния его царства. На пороге новая война, но Армения осталась в одиночестве. Союзы с соседними Гордиеной, Атропатеной, Коммагеной и Адиабеной недолговечны: Рим найдет способ перетянуть эти страны на свою сторону. Египет и Сирия, контролируемые Тиграном, слабы. Пираты, скифы и албаны ненадежны. Понтийское и Парфянское царства ведут собственную игру. Шпионы доносили: римляне считают незаконным армянское завоевание Софены, Сирии, земель Киликии и Каппадокии. В римском сенате началась истерия по поводу Армении. Помпею отдали войну с Митридатом, явно подразумевая нападение на армянское царство. Тигран, поразмыслив, перестал сердиться и успокоился.

Подал глуховатый голос Вараздат:

– Безнадежно воевать с мельницей...

Забыв на время об астрологе, братья, встревоженные сообщением о полете щита и тревожными мыслями, враз повернули головы к нему. А старик, пытливо вглядываясь в их лица, продолжил:

– Кто ввязался в борьбу, из нее уже не выходит. Древние

мудрецы учили: «Оставьте ссору, пока она не разгорелась».

В сознании Тиграна крепко засела мысль, высказанная старцем. Взмолвленный Гурас встал, прошелся в волнении по беседке и, обратившись к царю, сказал:

– Ты можешь разбить Помпея, но на смену ему тут же придет Цезарь или Красс с удвоенным войском.

Тигран, понимая правоту обоих, явно был раздосадован своим упорством. Брат еще не упомянул такой немаловажный фактор, как союз, заключенный Римом с Парфией: две сильные державы против Армении.

– Что ты предлагаешь, Гурас?

– У меня нет решения...

Оба точно знали, что на стороне римлян стоят очень мощные сакральные силы, вознесшие Рим на вершину власти над миром. В этом кроется причина непобедимости армии Рима, а также способность удерживать огромные территории в составе своей державы.

Старик Вараздат провидческим тоном произнес:

– На стороне Армении стоят божественные силы, помогающие нам выжить вот уже три тысячи лет. Но надежды на мирную жизнь рухнули. Мы снова на пороге войны.

Тигран смотрел на него и думал как поступить. Союз трех азиатских государств Армении, Понта и Парфии мог бы поставить Рим на колени, но разве можно договориться с теми, кто мечтает возвеличиться до уровня богов и повелевать миром? Ни понтийский царь Митридат VI, ни царь Парфии

Фраат III (оба узколобые догматики, политические слепцы) не готовы объединиться и отбросить эгоистические интересы. А для Помпея, Цезаря или Красса даже не важна страна, подвергнутая разграблению. Главное – возвыситься в Риме и доказать: я суровый и бескомпромиссный, первый среди равных, претендент на роль диктатора. А еще они все мечтают о заслугах, чтобы войти в историю.

Понимая, что базовый инстинкт римлян – грабить всех, кто слабее, и что создана мощная военная машина, противостоять которой Великая Армения сейчас не может, даже совместно с союзниками и вассалами, царь произнес:

– Мы должны не допустить, чтобы кто-то изменил нашу идентичность и замедлил развитие.

Гурас с воодушевлением подхватил:

– Да! И чтобы название нашей страны не исчезло из хроник истории!

Астролог пошутил:

– Боги, думаю, нам помогут, но как поступить, придется подумать самим.

Тигран встал. Собеседники подошли к нему, чтобы услышать главные слова.

– То, что я скажу, вам не понравится, – начал он, – но попробуйте понять. Мир меняется, мощь Рима растет, а силы государств эллинов угасают. Мы еще не окрепли после последней войны, союзники слабы и ненадежны, парфяне мечтают всадить нам нож в спину. Потерпеть поражение в вой-

не — катастрофа и начало развала страны. Я как царь должен прежде всего думать о безопасности государства, но мне семьдесят пять, вести войну, как раньше, не по силам, а мой сын Артавазд слишком молод и неопытен...

Вараздат, опустив глаза, проронил:

— У него нет твоей проницательности и дара предвидения.

Царь, тревожно взглянув на него, продолжил:

— Большая война, если она вспыхнет, станет трагедией, настоящим бедствием для страны и народа, пронесется вихрем смерти, опустошая земли и души людей. — Помолчав и подумав о чем-то, он сказал: — Я хочу оставить после себя сильное и процветающее государство... Мы не станем воевать.

Гурас всполошился:

— Как же так, брат? Рим растопчет нас!

Царь был тверд в своем решении:

— Помпей придет в Армению с огромным войском. Мы же, хоть и можем постоять за себя, воевать не станем!

Тигран многозначительно смотрел на собеседников: он уже решил как поступить. Во-первых, царь объявит Помпея победителем: пусть тешит себя иллюзиями собственного величия, претендуя на место диктатора Рима. Во-вторых, выплатит ему контрибуцию, те деньги, которые разожгут костер войны в Риме: покоритель Азии Помпей столкнется с завистью Красса и Цезаря, и в борьбе за первенство они поссорятся и погибнут.

В-третьих, наследник Артавазд успеет воспользоваться ситуацией, и тогда произойдет главное: у Армении будет достаточно времени вновь укрепиться и стать грозной силой.

Услышав решение властителя, Гурас поразился произошедшей с ним перемене:

– Ты хочешь отойти от дел? Ты не можешь! Нация сплотилась вокруг твоей фигуры. Почти все князья и простой народ тебя обожают, готовы терпеть лишения, пойдут за тобой в бой, на смерть...

– Хватит смертей! – резко сказал царь. – Рим, провоцируя вооруженные конфликты по всему миру, раздувает войны, организует мятежи, смещает законных правителей, все территории объявляет «зоной жизненных интересов». Этому нужно положить конец. Хочу даровать Великой Армении спокойствие...

Гурас горячился:

– Но Артавазд не сумеет сплотить нацию: твоего авторитета у него нет! Правители всех областей, недалёковидные князья и царедворцы начнут испытывать его на прочность, и еще неизвестно, чем закончится такой эксперимент.

– Он мой соправитель, я готовлю его к правлению, поручая самые сложные задания. На днях он убывает в Египет помочь Птолемею XII удержать власть, а может быть, вступить в борьбу с силами зла, стремящимися уничтожить мир. Надо побудить магию Египта встать на нашу сторону.

Вараздат деловито добавил:

– Твой сын должен приобрести силу и влияние, с ним должны считаться... Тигран, мы поможем ему.

– Да, Вараздат, именно так! – Тигран обратился к брату: – Гурас, пойми, римское вторжение неприемлемо: они идут, сметая все на своем пути, их цель – максимально ослабить и подорвать наши силы, посеять хаос. Мы остановим их, но не силой оружия: разрешим конфликтную ситуацию путем взаимных уступок... Ты со мной?

Гурас побледнел. Нахарары – главы аристократических родов – объявят царя трусом, начнут раздувать лживые слухи, организуют мятежи. Уже были открытые выступления против царя со стороны подкупленной Лукуллом части армянской знати, выразителем интересов которой являлся Тигран Младший, сын царя, ныне изгнанный из пределов государства. Многие крупные рабовладельцы недовольны правлением царя, запретившего заниматься ростовщичеством и превращать крестьян в рабов, а некоторые землевладельцы возмущены тем, что им не разрешают отбирать земли у крестьян-должников. Однако Гурас чувствовал, что царь смотрит далеко вперед. «Чутье никогда не подводило брата», – думал он. Даже нападение римских войск во главе с Лукуллом не поколебало ни его, ни страну, и нанесло больше моральный, чем материальный ущерб. Государь несомненно прав: стабильное развитие страны позволит преодолеть упадок хозяйства, провести реформы и, как результат, возродить былое величие, сравняться с Римом.

– Я с тобой, брат! – воскликнул он. – Что мне делать?

– Спасибо, Гурас. Ты переместишься в Рим с двумя задачами. Во-первых, убеди Цезаря взять деньги Птолемея XII – шесть тысяч талантов, – чтобы заставить сенат признать египетского царя законным правителем. Во-вторых, если почувствуешь, что Помпей готовит вторжение в Армению, объяви, что я готов заключить с Римом мирный договор на их условиях.

Шесть тысяч талантов – это сто пятьдесят пять тонн серебра.

– Что?! – воскликнул Гурас. – Он потребует не только контрибуцию, но также отказаться от территорий, завоеванные тобой. А это Сирия, Киликия и боги знают что еще!

– Я готов заплатить контрибуцию в десять тысяч талантов. Что касается Сирии... – Тигран горько посетовал: – Это плата за гордыню, мои просчеты в стратегии и неспособность вести современную войну... Присядем.

Собеседники сели за стол, Тигран хлопнул дважды в ладоши: появились виночерпий Вардгес с глиняным кувшином охлажденного вина и слуга с золотыми кубками. Разлили вино, искрившееся и переливавшееся всеми оттенками красного в лучах полуденного солнца, как та благоуханная роза, что свисала с потолка. Вардгес, испробовав из кубков вина (не отравлено ли), ушел со слугой.

Тигран произнес:

– Истина в вине, а здоровье в воде. Так, кажется, теперь

говорят... Давайте успокоимся и выпьем.

Они сидели в беседке и пили вино. Царь рассказал притчу. Однажды в древние времена царю Армении долго не удавалось принять решение, как войскам форсировать бурную реку Куру, чтобы разгромить большое и сильное скифское племя массагетов, периодически грабившее его страну. Он мог бы принять любой план, но ни один из них не решал задачу быстро и с наименьшими потерями. Чтобы проникнуть в суть тайны, он созвал в свой шатер генералов, напоил их вином и приказал придумывать варианты решения задачи. У пьяных генералов развязались языки, они раскрепостились и подали много идей, в том числе фантастических. Но вот встал старый седой доблестный воин и сказал:

– Надо массагетов сделать своими союзниками, заключить мир и выступить против общего врага – персов, а чтобы было взаимное доверие, совместно построить мост через Куру.

Царь получил лучшее решение.

Подняв кубок, Тигран провозгласил:

– Выпьем за ясность сознания, позволяющее под воздействием вина увидеть суть проблемы, потому что вино – напиток богов!

Посмеялись, лихо сдвинули кубки, расплескав напиток богов, и выпили. Вино имело отменный вкус и удивительным образом сняло раздражительность и напряжение. Все расслабились и успокоились.

Старик Вараздат сообщил, что каждый день во время обеда выпивает кубок красного вина, и поэтому бодр и свеж, хотя ему уже девяносто пять. На собственном опыте он вывел закономерность: кто умеренно пьет вино, тот счастлив, забывает о возрасте и всегда имеет ясные мысли. Излучая благодушное настроение, царь похвалил хорошее вино. Ведь оно у толкового человека пробуждает мудрость и желание, несмелого делает храбрым, а сомневающемуся позволяет взглянуть на вещи в другом свете.

В благодушный разговор внезапно вклинился погруженный в мысли о предстоящей миссии Гурас:

– Брат, скажи, как мне говорить с Помпеем?

Тигран спокойно ответил:

– Больше театральности, Гурас! Мне доносят, что Помпей суеверен, любит драматические эффекты. Обговори с ним церемонию моего прибытия в римский лагерь, да не забудь сказать, что я хочу именоваться другом и союзником римского народа.

Вараздат, лукаво посмотрев на братьев, воскликнул:

– Мне это нравится – переиграть противника! Армии, устремившись в бой, мирно разойдутся... Надо же!

Тигран ласково посмотрел на соратников:

– Нам потребуется мужество, чтобы избежать битвы и, навязав мир, победить противника. Всегда нужно помнить, что излишняя самонадеянность ведет к горькому разочарованию. Пусть Рим пока думает, что управляет Вселенной.

– Государь, – Гурас лукаво глянул на царя, – подарок тому, кто желает прийти на армянскую землю с мечом, я уже подготовил.

– О чем ты, Гурас? – спросил Тигран.

– О, ты забыл! Перстень духа Арарата!

Тигран вспомнил. На протяжении веков эта вещьца не раз помогала победить противника. Того, кто носил Драконий перстень, дух священной горы Арарат наделял не только сильными страстями, но и сомнениями. Конечно, этот перстень заставит Помпея робеть, если полководец войдет в пределы царства, и даже чрезвычайно устрасит.

– Пусть будет так! – сказал царь. – Гурас, отвези перстень в Рим и подари Помпею!

А сам подумал, что, возможно, легенда и исторические анналы его библиотеки сообщают правду, и камень действительно является носителем магической силы. Боги Рима посылают на все страны кошмары, давая римлянам силу и неуязвимость, побуждают к новым грабежам и насилию, подталкивают в Армению. Пусть перстень с загадочным прошлым ослабит захватнический инстинкт Помпея.

Вараздат, радостный как дитя, распростер руки перед братьями:

– Вот и славно! Перстень духа Арарата захватит мысли и ум захватчика. Мир благо, война зло, победа горька, а слава мимолетна. Пусть воюют другие!

Тигран, обладавший в царстве не самым спокойным нра-

вом, вдруг умиротворенно рассмеялся:

– Я рад, что есть талисман, способный приносить удачу или охранять от неприятностей армянское царство.

Он собирался добавить, что с соратниками нашел верное решение: никогда не начинать войну, если есть хоть малейшая возможность поддержать мир, но увидел на дорожке, ведущей к беседке, свою любимицу Аревик и поспешно сказал:

– Ну, идите!

Мимо фонтанов и мраморных статуй по дорожкам сада шла наложница Аревик. Стройная, маняще красивая, в синих одеждах, с дорогими украшениями, она излучала солнечный свет. В руках женщина держала вербену – мелкие белые цветы. Увидев в хорошем расположении духа Тиграна, она просияла.

Царь встал, обнял и поцеловал ее в алые губы:

– Моя Аревик, моя любовь! Ты принесла мне траву любви, верно полагая, что я в гневе, ведь вербена гасит эмоции.

– Не только, Тигран. Эти цветы приводят в веселое расположение духа.

– Мы тут спорили с Гурасом и Вараздатом, но сейчас у меня хорошее настроение: я нашел верное решение.

Царь страстно любил Аревик. Ее томный взгляд обладал завораживающей и притягательной силой, яркая внешность приводила в восхищение, а свет внутренней красоты вызывал ощущение спокойствия и раскрытие непостижимой тайны.

– Я люблю тебя, Тигран, всем сердцем! – она с восхищением смотрела на царя.

А Тигран, вновь поцеловав ее, произнес:

– Моя любовь к тебе настолько сильна, что хочется просить у богов бессмертия, чтобы быть всегда рядом.

Аревик улыбнулась. Ее каштановые волосы, прическа, небольшая синяя шапочка и необыкновенные карие глаза, напоминающие миндаль, сводили его с ума. Глядя на этот эталон красоты, царь по-другому воспринимал мир.

– Когда ты улыбаешься, я понимаю ради чего живу... – Тигран каждый раз заново любовался этим совершенным произведением природы.

Аревик, как всегда смутившись, произнесла:

– Я тоскую, когда тебя нет рядом, но увидев вновь, испытываю неземной восторг... как от величия природы и солнца, и звезд на небе...

Царь вторил ей:

– Только с тобой ощущаю гармонию жизни: все приобретает равновесие и совершенство...

Аревик взяла Тиграна под руку, и парочка пошла гулять по дорожкам великолепного сада.

Глава 8. Во власти иллюзий

На другой день после прибытия в Рим Гурасу организовали встречу с Цезарем. В сопровождении свиты армянский дипломат двинулся в римский район Субура, где находился дом сенатора. Район, считавшийся предместьем Рима, находился недалеко от форума и имел репутацию неблагополучного, поэтому в свите были не только слуги, но и телохранители. Для переселения на престижный Палатинский холм Цезарю просто-напросто не хватало денег.

Входную деревянную дверь открыл слуга, проводивший Гураса в атрий с небольшим прудом в центре. Хозяин дома уже ждал:

– Гурас! – Юлий Цезарь расплылся в улыбке. – Когда приходит армянский друг, понимаешь, что дружба существует не только во имя благородных поступков, но даже делиться последним золотом. – Хозяин с удовольствием смотрел на небольшой сундук, который внесли и поставили у его ног.

Гурас поклонился:

– Твое расположение, Цезарь, ценно тем, что Армения получает советы дальновидного и мудрого государственного деятеля.

– Царь Тигран умеет сокращать врагов, поэтому достоин моего уважения, – продолжал Цезарь. – В Риме не мешало бы установить монархию восточного типа, но без насилия.

– Цезарь, ты всегда почтительно отзываешься о моем царе. В знак глубокого уважения прими эти дары.

Гурас открыл сундук, и перед сенатором заблестели золотые и серебряные кубки и кувшины, чаши из горного хрусталя, кинжалы, ювелирные украшения и серебряные денарии.

– Золото – символ постоянства... – Цезарь с восхищением осматривал изделия и, взяв в руки золотой кувшин, сказал: – Какая изящная вещь! Жаль, что я почти не употребляю вина.

От Гураса не укрылась страсть хозяина дома к изысканности и стремление к роскоши, коих он был лишен. «Но все впереди, – подумал армянский гость, – он молод, ему около тридцати пяти, энергичен, честолюбив». А вслух мягко произнес:

– Золото является также символом богатства и власти...

Цезарь понял намек:

– Мой дом, конечно, не производит такого впечатления, но в будущем, после избрания великим понтификом, а я верю, это произойдет рано или поздно, я получу резиденцию от государства: перееду из Субуры в самый центр города. Знаешь, мой род Юлиев Цезарей находится в родстве с богиней Венерой...

– Прямой потомок богини? – бровь Гураса взлетела вверх. – Впрочем, я всегда подозревал твою исключительную значимость, так сказать, сакральное начало личности.

– Между прочим, по материнской линии в моем роду был сам Марс.

– Вот почему ты резко выделяешься среди людей, тебя окружающих! – воскликнул Гурас.

– Происхождение от богов накладывает большую ответственность...

Гурас почтительно поклонился:

– Цезарь, желаю тебе не только достойно служить своей родине, но и творить историю!

Появилась Помпея, молодая жена Цезаря, двадцати трех лет, красивая, с хорошей фигурой, темно-рыжими волосами и ярко-зелеными глазами. Гурас опять поклонился, а Цезарь сказал:

– Помпея, это наш гость с Востока, из Великой Армении, Гурас, брат царя. Посмотри только на эти великолепные предметы, которые он преподнес в дар! – Сенатор взял из сундука чашу и передал жене: – Такой роскошной чаши из горного хрусталя с отделкой золотом нет даже у Красса!

– Сказочно красива! – бросила Помпея. – Но годится разве что испить яду, – возвратив чашу мужу, она развернулась и ушла.

Недовольный ее поведением, Цезарь изменился в лице. Гурас, опустив глаза, подумал: особых чувств к жене сей муж не испытывает. Впрочем, все и так знали, что брак с родственницей Гнея Помпея был нужен Цезарю, чтобы сблизиться со знаменитым военачальником. Ходили слухи, что и сам Цезарь не был идеальным супругом, мол, падок на любовные утехы.

Прошли в таблиниум – главное помещение дома, где хозяин принимал гостей. Дверь таблиниума выходила в сад и была отворена, поэтому зелень и цветы, как картина в раме, украшали комнату. Любовь к природе – неперемненное качество римлянина, а тем более патриция, коим был Цезарь. Рабы унесли сундук с подарками, а Цезарь и гость, сев в кресла друг против друга, начали разговор.

Гурас смотрел на этого человека, утверждаясь во мнении: он не остановится ни перед чем, дабы достичь высот власти. Он умен, быстро реагирует на меняющиеся обстоятельства, желает сделать политическую карьеру, может манипулировать людьми, высокопарен, обладает живыми глазами, тщательно ухаживает за собой. Несомненно, диктаторскую власть в Риме захватит он.

– Юлий Цезарь, – сказал гость, – я прибыл просить тебя о помощи...

– Если ты о предстоящей войне на Востоке, порученную Помпею, то, увы, ничем помочь не смогу. Война дает право завоевателям диктовать покоренным любые условия.

– О, нет-нет! Честолюбие Гнея Помпея требует отдельной встречи с ним. Догадываюсь, как трудно будет смягчить участь будущей жертвы. Но он никого не принимает. Прошу тебя, организуй нашу с ним встречу!

– Я пожертвую своей репутацией, если буду просить за Армению.

– Чтобы все стороны почувствовали заинтересованность

в переговорах, – загадочно сказал Гурас, – нужно одно из двух: общую цель или выгоду для сторон.

Цезарь улыбнулся:

– Общая цель возникает в тайных союзах, а вот выгода дает преимущество, позволяющее великодушно делать добро.

– Деньги можно найти, если поискать... – Гурас многозначительно посмотрел на сенатора.

– Да, деньги мне сейчас нужны, – задумчиво произнес Цезарь. – В этом году я стал смотрителем Аппиевой дороги: придется ремонтировать за свой счет. Еще меня избрали курульным эдилом. Он, кроме всего прочего, организует в Риме праздники, игры и гладиаторские бои на собственные средства. Еще я раздаю хлеб беднякам... Приходится занимать крупные суммы у друзей и покровителей.

– Уверен, граждане Рима запомнят тебя надолго, – похвалил Гурас. – Цезарь, я знаю человека, готового заплатить крупную, очень крупную сумму за твое посредничество.

– И кто же это? – глаза сенатора загорелись.

– Египетский правитель Птолемей XII просит признать его как царя. Он хочет, чтобы легитимность его власти была одобрена Римом.

– Это сложный вопрос... В сенате поговаривают, что египетское царство должно отойти Римской республике по завещанию Птолемея XI, убитого в расцвете сил...

– Но мы-то знаем, что завещание подложное... – Гурас заговорщически посмотрел на хозяина дома.

– Люди охотнее верят тому, чему желают верить, – Цезарь смотрел в упор на гостя. – Говоришь, он готов заплатить крупную сумму?

– Очень крупную!

– Этот вопрос требует согласования с высокопоставленными людьми... – начал Цезарь, но Гурас его прервал:

– Птолемей готов заплатить достаточно... Риму выгоднее иметь независимое египетское царство, которым правят потомки Александра Македонского...

При упоминании этого имени Цезарь вздрогнул: он всегда ориентировался на этого завоевателя, управлявшего покоренными народами по рецепту персов. И даже обожествление своей персоны Гай Юлий проводил так же, как и его кумир Александр. Пару лет назад Цезарь посетил Египет и убедился, что власть древних фараонов и власть Александра Македонского покоилась на одном и том же принципе – божественном происхождении. Войдя в египетский храм и увидев статую Александра Великого, Цезарь поймал себя на мысли: «Он умер в тех же годах, что и я сейчас, но он покорил весь мир, а я не совершил ничего примечательного».

Сидя в кресле напротив армянского дипломата, сенатор подумал: «Придет время, и покорителем Египта стану я сам». А вслух сказал:

– Что ж, идея заманчивая, но ты же понимаешь, что без Помпея и Красса этот вопрос решить нельзя?

– Понимаю. Вы трое – это союз власти, денег и ума, –

улыбнулся Гурас.

Цезарь негромко сказал:

– И потом, я должен провести решение в сенате... О какой сумме идет речь?

– Шесть тысяч талантов!

Глаза сенатора округлились, лицо стало решительным, и он произнес свою любимую фразу:

– Великие дела надо совершать не раздумывая, чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и быстроту.

Он встал и быстро заходил по комнате. «Артистично, талантливо!» – подумал Гурас, а Цезарь продолжал:

– Моему честолюбию льстит, что ты обратился с этим вопросом ко мне. Средства Птолемея решат все мои финансовые проблемы. Я берусь за это дело!

«Он с удивительным легкомыслием принял мое предложение. Такой человек действительно осуществит любые честолюбивые планы», – размышлял Гурас, а Цезарь пришел в возбужденное состояние:

– Я не терплю нерешительности! Все скрытое и непознанное порождает страх, поэтому нельзя долго обдумывать дело, надо за него браться сразу. Дорогой Гурас, обещаю: царь Птолемей XII станет другом римского народа, а тебе я устрою встречу с Помпеем.

Они расстались друзьями.

Цезарь, несомненно, умело манипулировал Помпеем. Не

прошло и трех дней, как армянский дипломат был приглашен в дом полководца. Солнце уже заходило, когда по узким улочкам города четверо рабов несли носилки с Гурасом, спускаясь с холма Эсквилин в низину, в район Карины, где жил Помпей. Их сопровождали двое телохранителей, и еще двое слуг несли небольшой сундук.

Проходя безымянный переулок, никто не заметил темные тени у забора: четверо разбойников внезапно напали на corteж. Телохранители, обнажив кинжалы, вступили в схватку с двумя мужчинами, вооруженными длинными ножами. Еще два грабителя бросились к заветной цели – сундуку. Слуги дипломата, получив мощные удары – один в зубы, другой палкой по голове, – выпустили ношу из рук, и сундук немедленно исчез в темноте городских переулков. Рабы, небрежно поставив носилки на землю, разбежались. Сидящий внутри Гурас, откинув полог, вылез наружу и, выхватив из складок плаща маленький серебряный кинжал, приставил его к горлу одного из разбойников, а телохранитель еще и нацелил ему в глаз острый клинок. Преступник, сообразив, что сопротивление бесполезно, прекратил бой, бросил нож и поднял руки. Второй громила уже лежал на земле, не подавая признаков жизни. Вельможа подошел к упустившим золото слугам, сидевшим на земле, один держась за челюсть, другой за голову, с грустью посмотрел на них и изрек:

– Потеря золота еще не смерть, величайшая потеря в жизни – когда перестаешь верить в себя.

Из-за угла дома выглянули испуганные рабы. Убедившись, что армяне победили, они с опаской вернулись к носилкам, и кортеж дипломата двинулся в путь, пополнившись связанным разбойником.

Престижный район Карины, примыкавший к форуму, находился между холмами Оппий и Палатин. Двухэтажный дом Помпея был украшен рострами: после победы над пиратами сенат разрешил ему повесить на дом отпиленные носы кораблей.

Гней Помпей бушевал:

– Это возмутительно! Средь бела дня на улице Рима грабят дипломата! Сочувствую. Мне самому приходится ходить с охраной. Риму давно требуется сильная рука!

– Царь Тигран прислал тебе дары, но, увы, грабители их отняли, – как бы оправдываясь, произнес Гурас.

– С этим я разберусь, ведь у нас в руках их соучастник...

Помпей жил уединенно как частное лицо, в политические распри республики не вмешивался, но и не тратил время попусту – готовил поход на Восток, отменив все аудиенции. Столы в зале были завалены картами, письмами и списками, обстановка говорила, что хозяин дома ведет умеренный образ жизни и, как человек военный, не признает излишеств.

– Гурас, мы много раз встречались, и ты знаешь мою позицию: время гегемонии царя Тиграна в Азии прошло. Закат армянской державы близок...

– Гней, ты тоже должен осознать почему у Лукулла ниче-

го не получилось, – Гурас овладел собой и говорил уверенно: – Горная Армения – надежный оплот Тиграна, основа его успехов. Царь поднял и сплотил народы, племена, общины на борьбу с врагами. Боги Армении карают всех, кто нападает на нашу страну...

– Не обманывайся! – Помпей неторопливо ходил по залу. – Я натравлю на армян соседей, брошу семена ненависти, использую все для возбуждения смуты. Разделяй и властвуй!

– В Риме беспокойно... – гость решил напомнить «гостеприимному» хозяину дома, что в его стране сложилась непростая обстановка. – Гней, сенат, кажется, совсем не справляется со своими обязанностями, его действия могут привести к хаосу. – Сделав встревоженное лицо, Гурас патетически воскликнул: – Кто тот герой, который наведет порядок в Риме?!

– Рим на вершине своего величия! – возгласил Помпей, но тут же осекся: – Да, кое-кто призывает к анархии, кого-то обуяла алчность...

Гость беспристрастно добавил:

– Мятежи не прекращаются, особенно на окраинах державы...

– Что ты хочешь этим сказать? – полководец грозно смотрел на дипломата.

– Две великие страны могли бы жить в мире и дружбе, совместно установив новый мировой порядок: вы на Западе, мы на Востоке...

– Рим завоюет весь мир, – Помпей сурово смотрел на гостя, – и Армению в том числе, с ее богатствами и магическими штучками, которые искал Лукулл! Доходы республики в результате моих походов должны возрасти вдвое, поступление рабов и богатой добычи ожидается значительное.

– Даже самый удачливый завоеватель Александр Македонский не решился войти в Армению. Я слышал, ты любишь себя сравнивать с ним... – как бы между прочим напомнил Гурас.

Гней Помпей, сердясь, вновь зашумел:

– Мы обрушимся на Великую Армению с двух сторон – с запада и востока! Парфяне готовы вступить в войну, и Тиграну не устоять!

– Я бы не стал надеяться на парфянского царя Фраата III. Рим он ненавидит, союзник ненадежный, а завидев на поле боя армян, разворачивает армию и уходит.

Помпей внезапно успокоился, агрессивность снизилась и, внимательно взглянув в глаза дипломата, он предложил ему сесть. Слуга по имени Вириат, раб из Лузитании, подал вина, зажег масляные светильники. Дальше разговор протекал за столом в спокойном, даже дружеском тоне.

– Я никого сейчас не принимаю, так как идет большая подготовительная работа к военной кампании – скоро выступаю в поход. Однако Цезарю не смог отказать. Мы дружим. Цезарь – самый популярный среди городского плебса. Хочет консульства, и он его получит. Должен сказать, что этот че-

ловек столь же полезен, сколь и опасен, но мне импонирует.

— Мы на днях встречались, и он произвел на меня сильное впечатление. Он тот, кто хочет все и не остановится ни перед чем, — загадочно сказал Гурас.

Помпей внимательно посмотрел на собеседника:

— Полагаешь, мне нужен сильный успех, чтобы затмить Цезаря?

Гурас поймал себя на мысли: «Красс богат, Цезарь пользуется популярностью у простого народа, а что же Помпей? По всему видно, что политик он не выдающийся, красиво говорить не умеет и не хочет, но он вояка, его любят легионеры, умеет залезть в душу солдата. За военные успехи уже при жизни получил от сената титул «Великий».

— Я слышал, что народ восхваляет тебя, самого влиятельного человека в Риме, имеющего военный талант. Только у тебя и Красса есть собственные армии.

— Не хочу хвастать, — Помпей подобрел, — мне потребовалось всего три месяца, чтобы очистить море от пиратов...

Действительно, пиратство приобрело неслыханный размах, торговля упала, казна опустела, а народ Рима был доведен почти до голода. Помпей со своим флотом выловил все пиратские корабли, и судоходство сразу нормализовалось, снабжение столицы хлебом улучшилось. Гурас видел перед собой богатого сорокалетнего землевладельца с чертами лица волевого человека, полноватого, с толстым носом и маленькими глазками, бывшего консула, честолюбивого ари-

стократа, который в политике никогда не обнаруживал больших дарований. «Этот непобедимый герой непоследователен, высокомерен и нерешителен, — думал дипломат. — Тщеславный и недалёковидный, но гордый, амбициозный и суеверный. Для него патриотизм, честь и верность не простые слова. Но он лицемер: тонко рассчитав свои действия, продаст друзей, а Цезаря в первую очередь».

— ...теперь моя цель Митридат, и я его одолею! — громко вещал Помпей.

— Не сомневаюсь, — спокойно сказал Гурас. — Армия хорошо оснащена и укомплектована: сокрушение Митридата предreshено.

— Я изменю карту Востока, — Помпей был горд собой. — Царь Тигран должен трепетать! Эллыны, те что боятся Тиграна, получают мою защиту, парфяне воспрянут духом, народы Востока — горцы например — станут союзниками Рима...

— ...и добыча потечет в Римскую республику рекой... — сыронизировал дипломат.

Он слушал и думал: вслед за легионами в эти области и царства придут римские публиканы (им достанется земля и рудники) и откупщики (сборщики налогов), и начнется произвол, конфискации и злоупотребления.

Дрожащий свет масляных светильников отражался на лице полководца. Оно, казалось, приобрело мистические очертания. Помпей тяжелым, оценивающим взглядом посмотрел на дипломата:

– Ну и что предлагает твой царь?

«Этот римский герой, воспитанный в традиционном духе уважения к закону и религиозным установлениям, возжелал еще большей славы», – подумал Гурас и решил, что пришло время сказать главное:

– Тигран ищет мира...

– Я занимаю воинственную, но взвешенную позицию, – примирительно ответил Помпей, явно намекая, что война с Великой Арменией – крайнее дело. – Понимаешь, Гурас, Рим недоволен усилением Тиграна: его мощь и богатство угрожают римским провинциям в Азии и нашим союзникам.

– Ты великий полководец и выдающийся политик, – Гурас был вежлив. – Царь царей Тигран II предлагает заключить мирный договор на твоих условиях.

Помпей встал с кресла, явно взволнованный, но не удивленный. Гурас вдруг понял, что эта мысль приходила на ум полководцу. Таковы предначертания римских богов, и он в них уверовал. А хозяин дома, окрыленный заманчивой перспективой, стал ходить по залу и вдруг, резко остановившись, повернулся к гостю и решительно сказал:

– Я получил от сената право заключать мирные договоры на условиях, которые посчитаю нужными. Так вот, хочу сделать Великую Армению другом Рима, а, как известно, у наших друзей есть только одно обязательство: не помогать нашим врагам.

– Царь Тигран с благодарностью примет титул друга и со-

юзника...

– Вот мои условия: Великая Армения выплачивает Риму контрибуцию в шесть тысяч талантов. Все завоевания Тиграна являются слабостью римской восточной политики, поэтому ему придется отдать захваченные области в Каппадокии и Киликии.

– Царь Тигран выполнит эти условия, – Гурас встал и поклонился.

– ...Софена должна управляться зависимым от Рима царем... – продолжил Помпей.

– Но эта область давно находится в составе Великой Армении! – с негодованием воскликнул армянский дипломат.

– Твой царь захватил Софену и казнил ее законного правителя. Тот, как стало известно, завещал царство римскому народу... Это государство – хороший буфер между вами и римскими провинциями. У меня на примете есть подходящий кандидат на престол...

– В последнее время посмертные завещания в пользу Рима пишут цари Азии и Африки, один за другим...

– ...и Сирию!

– Как Сирию? – Гурас притворно негодовал.

– Скорблю, но Сирию я обещал Крассу. Он давно мечтает стать ее наместником. Я хочу сделать Рим властелином Средиземноморья.

– Это все?

– Да, все!

Гурас, сделав вид, что озадачен и потрясен, выждал театральную паузу и растерянно произнес:

– Гней Помпей, где состоится подписание мирного договора?

Помпей, довольный произведенным эффектом, триумфально прошелся по залу, поглядывая на дипломата, но было видно, что план заключения мирного договора в его голове созрел давно. Что ж, это Гураса вполне устраивало. Полководец взял топографическую карту, исполненную на пергаменте, разложил перед дипломатом и большим пальцем правой руки, на котором блестел фамильный перстень-печатъ, указал точку:

– Здесь!

В голове Гураса мелькнуло: «Большой палец вниз – и гладиатор умрет». Точка находилась рядом со столицей Великой Армении городом Арташатом, на берегу реки, напротив горы Арарат. Гурас поднял удивленный взгляд на военачальника.

– Так хочет Марс, – небрежно сказал римлянин.

Гость знал, что храм бога войны Марса стоял на Марсовом поле вне городских стен Рима, поскольку вооруженное войско не должно входить на территорию города. Именно на этом поле Помпей в ходе подготовки к походу проводил смотры войск и в этом храме наверняка просил Марса быть его покровителем. «Полет щита над Арташатом неслучайность», – подумал Гурас.

– Как ты желаешь обставить церемонию? – осторожно спросил он.

Помпей поднял взгляд к потолку и изрек:

– Церемония прославит меня и войдет в анналы истории.

Далее он изложил, как царь Великой Армении прибудет в римский лагерь один, на белом коне, как спешится, отдаст префекту меч и пешком пойдет к шатру. Увидев Помпея, опустится на колени и, по азиатскому обычаю, снимет с головы и положит к ногам полководца диадему – главный символ власти царей Востока, а потом скажет: «Мое царство у твоих ног, правь им!» Помпей поднимет его с колен, вернет диадему и произнесет: «Объявляю тебя другом римского народа, продолжай править в интересах Рима и мира, вместе отныне будем решать судьбу других государств».

– Ну как? – римлянин был в ударе.

Гурас выглядел потрясенным. Придя в себя от этого театра, торопливо объявил:

– Конечно-конечно, только так и не иначе... Я донесу до царя Тиграна твои слова.

– Скажи ему, что в пределы Армянского царства со мной войдет огромная армия, – холодный взгляд Помпея устремился на растерянного гостя.

– Да, конечно! – дипломат поклонился. И тут, как бы что-то вспомнив, он сказал: – Не хочу уйти, не вручив подарка. Наша древняя традиция в гости без даров не ходить, – Гурас достал из кармана плаща перстень и положил на стол.

Золотой массивный перстень приковал внимание Помпея необыкновенной игрой цвета красного камня, напоминающего то тлеющие огоньки, то горячую кровь.

– Камень горит! – восхитился Помпей. – Блеск великолепный, цвет роскошный!

– Драконий перстень... Карбункул – царский камень. Если тебе подадут отравленное вино, камень станет зеленым. А еще он является носителем магической силы...

– Силы? – Помпей посмотрел на дипломата. – А власть?

– Обладатель этого старинного перстня, как гласит легенда, получает богатство, удачу и власть над людьми. Надень на палец, и ты почувствуешь неукротимую энергию, негибаемое упорство и безудержную ярость. – Опытный дипломат разжигал желание собеседника владеть талисманом. – Говорят, он защищает от ранений и делает память цепкой. Носи на указательном пальце левой руки.

Помпей взял перстень и стал рассматривать прозрачный красный камень: из мрачных глубин глаз римлянина вырвались молнии, на лице отразились алчность и жажда власти. Полководец был доволен. Он неторопливо надел перстень на указательный палец левой руки и... вздрогнул. По телу пробежало тепло, в человека вселилась уверенность в своей исключительности. Это удивило Помпея. Он посмотрел на гостя, поблагодарив лишь глазами и улыбкой. Дар был принят с достоинством.

Глава 9. Мавзолей Александра

Александрия, столица птолемеевского Египта, была основана Александром Македонским и занимала ключевое положение в торговле между Европой и Азией, поскольку находилась на стыке двух морей – Средиземного и Красного. Но город жил не только торговлей. Он слыл центром притяжения всех ученых и средоточием мудрости, где восточные учения обогащались греческой философией.

На белой стене небольшого одноэтажного дома, рядом с которым рос куст жасмина, сначала показался неясный силуэт человека, а затем из стены шагнул на каменную мостовую царевич Артавазд. Солнце палило нещадно, и он ощутил пышущий жаром воздух, а также густой медово-амбровый аромат цветов жасмина. На улице никого не было, кроме старика, неподвижно сидевшего на камне. Осмотревшись, Артавазд повернулся и протянул руку Калестриде: та уверенно вышла из стены. Магическое перемещение свершилось. Оба были одеты в греческие одежды и плащи (под ними скрывалось оружие), оба молодые и красивые, совсем непохожие на египтян. Мужчина и женщина двинулись в путь по тесным улицам, между лепившимися друг к другу строениям, мимо детей, гонявших клюшками из пальмовых ветвей кожаный мешочек, набитый папирусом.

– Нам нужно найти дом Диодора, преданного отцу чело-

века. Он устроит встречу с царем, – сказал Артавазд.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – произнесла Калестрида.

– Идем в сторону порта! Видишь Александрийский маяк? Порт там.

Старик-египтянин, сидевший на камне, проводил их долгим удивленным взглядом.

Оживленный порт был не так далеко, и через некоторое время прибывшие уже шли по пирсу со множеством причаливших к нему кораблей. В порту что-то бесконечно выгружалось и грузилось, длинные вереницы рабов в вечном движении тащили мешки и катили бочки. Рядом с пирсом, на каменном острове Фарос, стоял Александрийский маяк, самый высокий в мире. Царевич задрал голову и от удивления замер на месте. Никогда в жизни он не видел такого исполинского сооружения. Трехъярусное чудо, облицованное белым мрамором, подпирало небо. Купол маяка был увенчан бронзовой фигурой Посейдона, повелителя морей. Сейчас, днем, с третьего яруса поднимался столб дыма (по нему ориентировались корабли), а ночью языки пламени, отраженные от бронзовых пластин, были видны далеко в море и давали возможность миновать рифы при движении в александрийскую бухту.

– Похоже, это не только маяк, но и оборонительная крепость, – произнесла Калестрида.

– Так и есть. Говорят, лучи маяка сжигают вражеские суда

еще до подхода к берегу, – сказал Артавазд.

Калестрида уважительно посмотрела на необычное сооружение, но задерживаться нельзя, и они двинулись дальше. Сразу за портом, в богатом предместье на берегу моря, где стояли утопающие в зелени трехэтажные виллы, они нашли нужный дом, отгороженный от улицы забором. Мимо шли прохожие – взрослые и дети – все в легких туниках и сандалиях, а над улицей были растянуты полотняные навесы – защита от солнца. Путники вошли во двор. Над дверью в жилище были начертаны иероглифы – священное резное письмо – для отращения злых духов и воров. Ныне иероглифы забывались: в египетской письменности использовался греческий алфавит. Царевич, взяв бронзовый молоточек, висевший на веревке, постучал. Дверь открылась, в проеме появился старый привратник-египтянин, обратившийся к мужчине на греческом:

– Кто ты? Что тебе нужно?

– Я тот, кто пришел из Дуата, кто вчера был скрыт, но родился сегодня. Имя мое тебе неизвестно. Если его написать на земле, вырвется огонь. Хочу, чтобы голос мой был услышан.

Дуат в мифологии Древнего Египта – это загробный мир. Старик, услышав пароль, изменился в лице, поклонился и почтительно пропустил пришедших в дом. Гости вошли в просторный дворик, окруженный с трех сторон галереей с колоннадой, куда выходили двери жилых помещений. Чет-

вертая сторона – вид на море. Семья большую часть дня проводила в этом самом дворике, а в хорошую погоду даже спала здесь. Хозяин дома поднялся с ложа и пошел навстречу царевичу, а его жена и дети в нерешительности стояли поодаль.

– Гостей посылают боги, а гостю из Армении в этом доме особенно рады.

– Ты Диодор?

– Да, мой друг. Кто ты?

– Я Артавазд, сын царя Тиграна. Мою спутницу зовут Калестрида.

Диодор уже увидел на указательном пальце левой руки юноши знак царской власти – золотой перстень с красным сердоликом. На камне был вырезан трехлистный клевер, символ египетской богини Исида, которая в Армении почиталась под именем Анаит. Диодор поклонился и произнес:

– Для меня большая честь принимать сына армянского царя. Готов служить тебе, как когда-то твоему отцу, посетившему Александрию много лет назад.

– Мне нужно встретиться с царем Египта.

– Все что пожелаешь, будущий владыка Армении! – Диодор расплылся в улыбке. – Желания великого человека преобразуют мир, а его воле с неизбежностью подчиняется ход истории!

– Диодор, мне нужно встретиться с Птолемеем срочно.

Хозяин дома улыбнулся:

– Нашему правителю я одолжил столько денег, что он не

сможет отказать мне в просьбе встретиться. Отдохни с дороги... Сейчас три часа дня – время ежедневного купания, спортивных занятий, разговоров и вкусной трапезы. О твоей спутнице позаботятся мои дочери: у женщин свои дела.

Хозяин проводил гостя к купальне. Они, разместившись на ложах, стали обсуждать ситуацию, события и людей, а слуги непрерывно подносили им вино, фрукты и сладости.

Дворцы царя Египта занимали несколько кварталов города, были окружены ухоженными садами, имели зверинец с редкими животными, роскошные бани и театр. Здесь же располагались царские гробницы, в одной из которых покоилось тело Александра Македонского. Триста лет назад первый из Птолемеев (соратник Александра), дабы усилить свой престиж в качестве законного царя Египта, хитростью захватил набальзамированное египетскими жрецами тело великого полководца. Золотой гроб везли из Вавилона в Македонию для захоронения. Птолемей I перехватил гроб и привез в Александрию, поместив в великолепную усыпальницу.

К усыпальнице, называемой также мавзолеем, и пришли Диодор, Артавазд и Калестрида. Это был храм с колоннами, стоящий внутри освященной ограды, где делались подношения усопшему. Охрана, предупрежденная заранее, пропустила их внутрь храма. В святилище возвышалась большая бронзовая статуя Александра, за ней был алтарь, рядом находился вход в подземную гробницу. Остановившись в глу-

бине зала за шеренгой жрецов, трое вошедших людей стали ждать.

Послышались пение гимнов, звуки труб, бой барабанов. К храму-усыпальнице двигалась торжественная процессия во главе с фараоном: рабы несли его на тронных носилках. Египетский царь был в белой длинной тунике, льняном головном уборе немес с голубыми полосами и в кожаных сандалиях. Из-под платка выглядывала косичка, на лбу красовался золотой урей (кобра с раздутым капюшоном, защищающая царя от зла), на лице приставная бородка, на шее драгоценное ожерелье в виде воротника. В руках он держал крест-накрест жезлы Хека (скипетр крюк, знак власти) и Нехех (скипетр плеть, знак защиты народа и обновления), на пальцах золотые перстни. За ним следовали высшие чиновники государства, а слон тянул колесницу с небольшой золотой статуей Александра Македонского. Подойдя к храму, процессия остановилась, фараон совершил обряд воскурения и возлияния, бросил стрелы в каждую из сторон света (символически поразил всех врагов), слез с носилок и, вверив царские регалии специальному чиновнику, направился в храм.

День смерти Александра, почитавшегося богом, считался священным днем, и сегодня царь по традиции посещал усыпальницу, одаривая храм подарками.

– Процессия меня сильно утомила, – громко сказал Птолемей XII, проходя мимо жрецов к входу в гробницу.

За ним внутрь храма вошли лишь трое высших сановни-

ков царства: главный министр, военный министр и верховный судья. Калестрида, стоявшая в полумраке святилища рядом с Артаваздом, заволновалась и лихорадочно зашептала:

– Артавазд, тот, кто следует за царем третьим, в головном уборе с черными полосами, и есть Вельзевул. Это он заказал похищение жезла.

Артавазд внимательно смотрел на высокого человека в черно-белом полосатом платке, белой одежде и с инкрустированными драгоценными камнями украшениями на груди.

– Я запомнил этого человека. Спасибо, Калестрида.

Внезапно фараон на полпути к статуе остановился, резко повернулся к Артавазду и объявил:

– Мне никто не нужен, а ты пойдешь со мной!

Царь Египта, сопровождаемый царевичем Армении, спустился по ступеням в просторную и богатую подземную гробницу с расписанными стенами (сцены похорон, иероглифы, греческие тексты). В усыпальнице хранились предметы мебели, разнообразная утварь, кувшины с вином, скульптурные изображения полководца, оружие, доспехи и книги. В центре зала возвышался массивный хрустальный саркофаг, и в нем лежала мумия Александра в пурпурной одежде и с диадемой на голове. Он выглядел как живой. В руки мумии был вложен бронзовый Анх – знак бессмертия, вечности и защиты. Артавазд, потрясенный великолепием обстановки и взволнованный тем, что отдает почести великому завоевателю, остановился.

Птолемей пренебрежительно смотрел на мумию:

– Мне сейчас столько же лет, сколько было ему, когда он умер, – тридцать три. Ты, Артавазд, гораздо моложе, наверное, тебе двадцать пять?

– Двадцать шесть.

– Я старше, значит, мудрее. С годами чувствуешь непостижимую мудрость, не позволяющую останавливаться на достигнутом.

Артавазд скривил усмешку:

– Как сказать... Мудрец не тот, кто старше годами, а тот, кто делает меньше глупостей.

Птолемей, проглотив колкость, вновь уставился на саркофаг. Толстое стекло до неузнаваемости искажало черты лица Александра, но все равно было видно, что в гробу лежит человек молодой.

– Владение этим телом полезно, – сухо произнес фараон.

Армянский царевич смекнул: полезно потому, что, во-первых, преемственность власти – это стабильность, а во-вторых, поклонение мумии дает вдохновение людям с обостренным самолюбием. Дух царя-основателя, как все верили, оказывает городу покровительство и защиту, а пышность и внушительность церемоний должны внушать: любитель приключений Александр и есть бог и сын бога.

Артавазд прекрасно понимал, что Александр Македонский был чрезвычайно талантлив и крайне честолюбив. Такие качества любого сделают великим. Птолемей же, желая

быть великим, жаждал прославиться как созидатель, а не как разрушитель Александр, которого в конце концов погубило тщеславие. И что же Птолемей XII созидал? Много лет он пытался закончить строительство крипт (подземные сводчатые помещения) великого храма в Дендере и алтарь в уездном городке Коптос: расходы большие, а денег не хватало. У правителя напрочь отсутствовал интерес к государственным делам. Ему, греку, приходилось управлять туземцами, в то время как он жаждал покоя и наслаждений. А дела... Для дел есть министры.

Артавазд спросил:

– Не заметил ли ты чего-то необычного в последнее время?

– Необычное? Да, было! Кто-то стер мое имя, состоящее из иероглифов, в одном из храмов Фив. Наверное, чтобы лишить меня вечной жизни. Еще моя супруга Трифаена стала холодной и надменной... Почему ты спрашиваешь?

– Птолемей, я прибыл сюда потому, что есть силы, стремящиеся сместить тебя с трона, – доверительным тоном сказал Артавазд.

– Что?

– Была попытка выкрасть знак твоей власти – жезл Сехем.

– Жезл дарует власть... Он все еще цел? – торопливо спросил обеспокоенный правитель. Увидев, что царевич кивнул, успокоился и взмолился: – Слава Амону, жезл не пропал! Чтобы бороться с врагами, он мне потребуется.

– Я принес жезл, – Артавазд достал из кармана плаща небольшую бронзовую лопатку и передал фараону.

Взяв реликвию, Птолемей прижал ее к груди и растерянно посмотрел на армянского царевича:

– Сехем – ниспосланный богами знак моего высшего предназначения.

– Этот человек здесь, в храме, – сказал Артавазд.

– О чем ты?

– Тот, кто заказал похищение жезла, сейчас находится здесь, наверху. Он в головном уборе с черными и белыми полосами.

– Верховный судья?

Птолемей, водрузив Сехем на плечо как дубинку, стал, словно готовясь к бою, ходить взад-вперед, взволнованно поглядывая на царевича.

– Он человек Трифаены, – неожиданно сказал фараон.

Давно подозревая, что жена стремится к личной диктатуре, фараон терпел ограничение своей власти бессовестным своеволием главного министра, верховного судьи и Трифаены. Жена вообще делала что хотела. Даже сегодня отказалась следовать за ним, чтобы почтить память Александра. Хорошо, что этот разговор состоялся. Гробница – единственное место, где не могут подслушать. «Что же делать?» – терялся в догадках Птолемей.

Артавазд дал подсказки, и властитель Египта воспринял их серьезно. Пока этот жезл у фараона, тот будет облада-

телем власти, но удержать власть и отвратить врагов поможет лишь Свиток творца. Заклятия из свитка, созданного богом мудрости, сделают Птолемея великим провидцем, однако никто не знает где находится тайник. Армянский царевич поделился откровением: боги указали место тайника – храм Серапеум в Александрии.

Серапеум – храм, посвященный Серапису (эллинистический бог изобилия, плодородия, подземного царства и загробной жизни), считавшемуся защитником Александрии. Под храмом находились древние катакомбы. Сехем является ключом к тайнику, где хранится свиток. Артавазд убедил фараона объявить царедворцам, что ему необходимо посоветоваться с богом Сераписом, прийти в храм с жезлом, и они вместе отыщут тайник. Никто не должен прервать правление Птолемея XII, ведь он главный союзник Великой Армении. Либо с ним будут считаться и уважать, либо наступит хаос и гибель египетской цивилизации. Фараон должен оставаться символом стабильности и единства страны.

Правитель Египта взмолился:

– Артавазд, помоги мне! Завтра в царском дворце приемный день. Приходи, покажи им, что я не один, что есть царство, которое встанет на мою защиту.

– Я приду, но помни: что бы ни случилось, не доверяй никому и верь в себя, проявляй мудрость и делай поменьше глупостей.

Птолемей мрачным тоном произнес:

– Хочется верить, что дружба с тобой и есть то, что делает невозможное возможным. Идем, мой друг!

Они вышли из гробницы, и фараон с гордо поднятой головой, держа в руке жезл Сехем, уверенно проследовал к носилкам, даже не бросив взгляда на своих врагов.

Глава 10. Коварное египетское солнце

На другой день Птолемей XII и Трифаена принимали важного гостя – сына царя Великой Армении, прибывшего с дипломатической миссией. Артавазда и Калестриду препроводили в тронный зал, на входе забрали оружие, но разрешили пронести подарок царственным особам «Кубок вселенной». Изделие армянского ювелира, давно хранившееся у Диодора и ждавшее своего часа, поражало великолепием и изяществом. Кубок, покоившийся в ларце, был выполнен из хрусталя с золотой решеткой и усыпан темно-синими сапфирами. На венце он имел четыре рубина идеальной чистоты.

Первым шел Артавазд. На нем, как и положено особе царского рода, был изысканный наряд: длинный желтый расшитый хитон с бахромой, кожаный пояс с золотой пряжкой, амулет Уаджет на цепочке и красный плащ. За ним следовала вооруженная до зубов Калестрида в белой тунике с меандром (кайма по краю ткани), скрывающим тончайшую плоть из конского волоса. На талии пояс (пояса под грудью носили замужние женщины, но это был меч), на плечи накинут расшитый голубым шитьем гиматий (плащ), которым можно защищаться как щитом от меча, дубинки или боевого цепа. Волосы амазонки, завязанные на затылке пучком, окайм-

ляла кожаная лента-праща, на руках надеты золотые браслеты-дротики и кольца-скарабеи с шипами, в ушах серьги в виде цветов лотоса с метательными звездочками, на груди кулон-жало.

Дипломаты вошли в тронный зал. Вселяя торжественную приподнятость, большой зал ослепил своим великолепием: колонны цвета папируса с золотыми накладками, капители – раскрытые белые цветы, стены имели яркий геометрический орнамент и фрески, изображающие животных, на потолке выписаны стилизованные бычьи головы и стервятники. Кругом защитные символы и знаки.

Фараон, владыка Египта, недостижимый для простых смертных, предопределяющий судьбы людей, сидел на золотом троне и держал в руке Сехем. Рядом с ним, на троне поменьше, сидела царица, его соправитель, со скипетром в виде цветка лотоса. Величавые небожители в коронах и широких ожерельях-воротниках на фоне огромной каменной стены с высеченным цветным рельефом «Фараон-воин поражает своих врагов» внушали всем страх и являли спокойное равнодушие к земным делам.

Слева от фараона стояли два чиновника: самоуверенный главный министр Потин и суровый военный министр Ахилла, справа от царицы находились злобный верховный судья Вельзевул и надменный начальник дворца Теодат. Жизнь властителя строго планировалась: утро отводилось под государственные дела.

Гости из Армении пали ниц перед владыкой всего сущего под солнцем.

– Вы можете встать, – сказал главный министр в платке немес с золотистыми и белыми полосами. – Вам дозволяется говорить с царем.

– О богоравный! – начал Артавазд. – От имени царя царей, правителя Великой Армении и Сирии Тиграна II приветствую тебя и передаю пожелание: править долго и счастливо, чтобы твоя сверхъестественная божественная сущность несла Египту богатство и процветание, дабы твое могущество подарило подданным благоденствие и спокойствие.

Заговорил главный министр, глава правительства:

– Правитель Египта Птолемей XII желает царю царей Тиграну II процветания и долголетия. Назови свой титул!

– Я сын царя Великой Армении Артавазд, наследник престола. Рядом со мной моя помощница Калестрида. Владыка, прими дар царя царей, да продлятся дни твоего правления!

Верховный судья, взглянув на Калестриду, изменился в лице и стал что-то быстро шептать царице. Невозмутимая амазонка, сделав шаг вперед, открыла ларец. И засверкало звездное небо из сапфиров. Главный министр подошел, достал из ларца кубок и высоко поднял над головой, изумленно и жадно рассматривая его. Взгляды всех присутствующих устремились на великолепный образец ювелирного искусства, явно выражая восхищение и удивление. Кубок ослепительно сиял гранями хрусталя и таинственным свечением

синих камней.

Артавазд громко сказал:

– В этих сапфирах отражается космос. Их энергия передается владельцу.

Хитрый и ловкий царедворец быстро произнес:

– Владыка хочет знать, какая польза от рубинов на этом кубке?

– О великий владыка, – сказал армянский царевич, – рубины содержат магическую силу и приносят удачу.

– Владыка просит пояснить, каким образом этот кубок принесет ему удачу? – не унимался Потин.

Артавазд с иронией посмотрел на главного министра и спокойно сказал:

– Налей в кубок вина. Если рубины заискрятся, значит, все спокойно в царстве, но если загорятся огнем, берегись: грядет война.

Резко опустив руку, чиновник испуганно посмотрел на царевича, положил кубок в ларец и отошел, кивнув секретарю. Подарок немедленно забрали, а министр снова задал вопрос:

– Какова цель твоего визита?

– Я приехал с дипломатической миссией – обсудить с царем Египта наш совместный поход против кочевых племен Аравии, сильно досаждающих городам на юге Сирии.

Военный министр в платке немес с красными и белыми полосами торопливо подал голос:

– Великий царь не расположен к этому походу, его армия

сейчас занята умирением Киренаики.

Фараон, которым, видимо, помыкали как хотели, безучастно молчал. Вдруг заговорила царица, резко и громко:

– Южная Сирия самой природой предназначена служить ареной войны. Неудивительно, что там неспокойно. Я давно интересуюсь этим местом, находящимся на полпути между Месопотамией, Анатолией и Египтом. Именно там произойдет неминуемое столкновение армий Рима, Армении и Египта, в котором, несомненно, победит Египет!

От царицы веяло таким холодом, что у Артавазда по спине мурашки побежали. Он сказал:

– Царица Трифаена знает, что Великая Армения принесла Сирии успокоение. Вместе со своим союзником Египтом мы поддерживаем мир в этой стране вот уже двадцать лет.

– Союзником? – ядовито процедила царица. – Египет – величайшая страна мира и не нуждается в союзниках. Армения интересуется тем, что ее совсем не касается. Египту давно пора сделать Сирию своей провинцией.

– Нельзя играть важную роль в мире, опираясь лишь на одни желания, – жестко сказал Артавазд, изменившись в лице и посмотрев на молчавшего фараона. Потом, обратив взгляд на царицу, добавил: – Если нет реальной силы и влияния, мечты о возвышении и богатстве граничат с безумством.

– Как ты смеешь называть меня безумной?! Ты, который с помощью магии прибыл сюда, чтобы лишить власти закон-

ного правителя...

Царица Трифаена внезапно вышла из милого образа повелительницы жизни богини Исиды. Налет романтичности, как у богини любви Афродиты, исчез, и она превратилась в мерзкое существо. Так, во всяком случае, показалось Артавазду. Ее прическа, украшенная калафом – солнечным диском между коровьими рогами, – тряслась, ниспадающие волосы напоминали извивающихся змей, а лицо исказилось от злобы. Трифаена встала и перешла на крик:

– Я та, что находится в постоянном единении с богами, являясь посредником между небожителями и остальным человечеством!! Я не потерплю, чтобы какой-то наглец оскорблял достоинство правительницы Египта!

Трифаена развернулась и стремительно вышла из зала. За ней последовал верховный судья. Царица шла по длинному коридору, кипя от злости и дикой ярости. Внезапно остановилась и повернулась к судье:

– Убить их! – в ее глазах сверкнули красные огоньки.

В тронном зале висело напряженное ожидание. Фараон с выражением полной безнадежности на лице ерзал на троне, поглядывая на министров и не зная что предпринять. Наконец Птолемей неуверенно произнес:

– Завтра утром я должен посетить Серапеум, чтобы посоветоваться с богом Сераписом по вопросу жизни и смерти.

– Да, сын солнца! – с поклоном сказал главный министр.

Фараон вместе с министрами покинул зал. Артавазд и его

спутница направились к выходу, где им вернули оружие. Они шли по коридору, как внезапно дорогу им преградили десять воинов, приготовившихся к атаке. В руке каждого был изогнутый меч хопеш с заточкой на выпуклой стороне клинка.

– Только этого не хватало! – посетовал Артавазд, доставая меч из ножен. – Нас явно хотят задержать.

– Артавазд, похоже, дипломатическая миссия провалилась, – полушепотом произнесла Калестрида. – Лучше бы мы сходили в Александрийскую библиотеку.

Солдаты ринулись в бой. Амазонка выхватила из своего пояса меч Уруми – гибкое смертоносное оружие племен Индии и Кавказа. Длинная обоюдоострая полоса из чрезвычайно гибкой стали, ранее обмотанная вокруг ее тела, теперь со свистом летела в поперечном направлении, как плеть, серьезно ранив сразу шестерых противников. Остальные отступили.

– Быстро назад! – скомандовал царевич.

Они побежали обратно, в сторону тронного зала, но там их уже поджидала другая группа вооруженных воинов. Калестрида резким движением руки сняла с головы кожаную ленту-пращу и раскрутила ее: в солдат полетела крупная дробь из металлических шариков. Дротики из браслетов она метала прицельно, уложив наповал большинство нападавших. Схватив Калестриду за руку, Артавазд метнулся к ближайшей незапертой двери. Вбежав в комнату, он увидел следующую дверь и поспешил туда. Беглецы оказались в полутем-

ном коридоре, устремившись по нему в глубь дворца. Наконец царевич со спутницей ворвались в большое помещение с цветными рельефами на каменных стенах, подсвеченных масляными светильниками на треногах.

– Там дверь! – Калестрида указывала в темноту.

Дверь оказалась запертой. Побежали обратно. Дверь, через которую они только что вошли, кто-то запер.

– Мы в ловушке! – с досадой воскликнул царевич.

– Очень странное помещение, – произнесла Калестрида. – Окон нет, только цветные рисунки на стенах.

Артавазд решил, что комната используется в ритуальных целях, и стал думать, как выбраться. Наверняка имеется потайная дверь, просто нужно знать где нажать. «Сейчас мне потребуется помощь амулета Уаджет (глаз бога Гора)», – подумал он.

Амулет, дающий бесконечный запас энергии и ясность мысли, Артавазду достался как трофей в смертельной схватке с Антиохом XIII. Этот колдовской предмет должен помочь и в нынешней трудной ситуации. Царевич, прикоснувшись к амулету, висевшему на груди, поднес его к лицу. Затем, пройдясь вдоль стен, обратил внимание на один из рисунков. Египетские воины идут в безупречном строю, держа топоры на плече. Все лица бесстрастны, изображены в профиль, смотрят влево, и только лицо одного воина направлено в противоположную сторону. Артавазд поднял руку и осторожно нажал на лезвие топора этого воина, пото-

му что оно отличалось от других. Послышался скрежет металла, и мимо него пролетел топор, потом следующий, и еще три бронзовых топора с острыми лезвиями летели из темных углов один за другим. Беглецы, упав на пол, едва не распрощались с жизнью. Наступило затишье.

– Полагаю, топоры закончились, – сказала Калестрида.

– Комната полна сюрпризов, – посетовал Артавазд.

Царевич поднялся с пола и прошелся вдоль стен, рассматривая раскрашенные египетские рельефы. Удивительное постоянство в изображении людей и явлений! Однако росписи повествуют о различных моментах жизни фараона. Вот он сидит на троне и, подняв высоко над головой скипетр, указывает на круг. Может быть, он подсказывает выход из ловушки? Юноша поделился мыслью с амазонкой. Та засомневалась, предположив, что если нажать на круг, полетят стрелы. Сложилось впечатление: все нарисованное или высеченное из камня в этой комнате чудесным образом оживает.

– Калестрида, посмотри! На этой фреске фараон держит в руках красивый цветок. Это лотос, символ плодородия. Думаю, надо нажать на цветок.

– В моем племени лотос символизирует жизнь и мудрость, – сказала Калестрида.

Артавазд уверенно нажал на цветок. В тот же момент в стену возле него вонзилась прилетевшая со свистом стрела. Мужчина и женщина отскочили в сторону и, забившись в угол, обняли друг друга, ожидая в ужасе горькую участь, а

стрелы откуда-то сверху обстреливали пространство комнаты с завидной методичностью. Артавазд бросился к изображению фараона, поднявшего высоко над головой скипетр, и нажал на круг – на него указывал властитель. Обстрел прекратился, сработал механизм, и часть стены с рисунком птиц, сидящих в зарослях папируса, отодвинулась, открыв выход из смертоносного зала. Не мешкая, беглецы нырнули в эту дверь, и та вновь закрылась.

Они оказались в комнате, где горело несколько масляных светильников, расставленных на полу. Письмена и рисунки также были здесь на стенах.

– Опять иероглифы! – Артавазд был разочарован.

– Что это? – в глазах Калестриды был ужас. Она показывала на потолок. Из него торчали длинные и острые металлические шипы.

Царевич похолодел, но приступил к осмотру комнаты:

– Нужно сосредоточиться и понять, что зашифровано в этих рисунках.

Он внимательно разглядывал рельефы, удивляясь довольно странным и загадочным изображениям. На одной из стен внимание привлек рисунок: художник представил увенчанного короной фараона с булавой, занесенной над головой поверженного врага. Набалдашник булавы отличался от основного рисунка на камне, он был исполнен в бронзе.

– Придется нажать на этот металлический круг, ничего другого я не вижу, – неуверенно сказал Артавазд.

Положившись на волю случая, царевич поднял руку и надавил на металл. Раздался скрежет, и потолок, вдруг вздрогнув, стал с шумом, рывками опускаться.

– Артавазд, твоя идея очень плохая!! – закричала женщина.

– Новая ловушка! Должен же быть выход!

Царевич метался по комнате, от стены к стене, посматривая то на потолок, неумолимо опускавшийся рывками все ниже и ниже, то на рельефы, коих было множество.

– Сделай что-нибудь!! – отчаянно закричала Калестрида. – Может, звезда? Нам звезда озаряет путь! – воскликнула амазонка, указывая на изображение богини со звездой.

Артавазд взглянул на рельеф, изображающий богиню Сешат со звездой на голове:

– Несомненно, это оно! Звезда верный знак. Каждый человек появляется на свет под своей счастливой звездой. Смотри, здесь есть египетские письмена, под ними текст на греческом:

Съешь это – и умрешь.

Возьмешь это – не унесешь.

У бедных это есть, а у богатых нет.

Что это?

Загадка! Под надписью пять картушей (контур с иероглифами): коршун, песок, вода, змея... в пятом же ничего не

было. Из пяти вариантов ответов нужно выбрать лишь один правильный.

– Что же выбрать? – Царевич в панике нажал коршуна. Потолок стал опускаться еще быстрее, и казалось, что острые когти «коршуна» вот-вот вонзятся в тела людей.

Мужчина лихорадочно соображал. «Что есть у бедных? Да ничего у них нет! Чего нет у богатых? Все у них есть! – сын царя отчаянно силился осмыслить загадку. – Ну, соберись, думай! Это нельзя унести, но если съешь, умрешь. Если ничего не есть, точно мертвец. У бедных ничего нет, из их жилища ничего не унесешь... У богатых есть все... Ну, конечно! – осенило Артавазда. – Ответ: „ничего“!»

Царевич быстро нажал на пустой картуш. Шум машины немедленно стих, потолок почти над самой головой молодых людей остановился, заработали другие механизмы, и каменная плита в стене со скрежетом отодвинулась, образуя небольшой проход для людей.

Артавазд после душевного потрясения стоял неподвижно. Его привела в чувство Калестрида:

– Нужно идти!

Она вложила в руку царевича масляную лампу с трепещущим огоньком и, взяв еще один светильник, потянула Артавазда за собой в открывшийся проход. Оказавшись в длинном туннеле, Калестрида нежно обвила руками его шею и поцеловала:

– Кто знает, что ждет нас впереди? Но пока мы живы, мож-

но бороться и победить.

Артавазд посмотрел ей в глаза:

– Ты стала для меня талисманом удачи. Мы испытали когти коршуна, но могли утонуть в воде или быть погребенными в песке.

Калестрида усмехнулась:

– Хорошо, что ты не нажал знак змеи.

– Пойдем вперед не оглядываясь! – бросил Артавазд, пригнув амазонку к себе и страстно поцеловав.

Трепетное волнение внезапно охватило обоих, сладостный поцелуй пьянил, пробуждая в каждом дремлющее желание. Мужчина оттаивал, а женщина в своих мягких объятиях успокаивала его. Потом, осторожно отстранив партнера, она произнесла:

– Давай сначала выберемся из этого проклятого дворца. Смерть по пятам за нами гонится.

Освещая путь светильниками, беглецы двинулись в неизвестность. Туннель длинный, сухой и мрачный... Открыв в самом его конце тяжелую деревянную дверь, они оказались в пустом доме на берегу моря. Светило яркое египетское солнце, волны лениво плескались на песке, вокруг ни души, вдалеке возвышалась башня Александрийского маяка.

Артавазд предположил:

– Видимо, туннель прорыли Птолемеи на случай бегства из дворца. Задерживаться здесь нельзя, а идти к Диодору опасно: нас наверняка ищут.

Царевич и амазонка двинулись по песку в сторону города, и в одном из домов неподалеку от порта, предъявив хозяину убедительные аргументы – острые мечи и золотые монеты, получили кров и еду.

Глава 11. Подняться до уровня богов

Торжественно и неторопливо утром следующего дня правитель Египта выдвигался к Серапеуму. Носилки с фараоном в окружении телохранителей несли рабы. Птолемей в платке немес с уреем на лбу (богиня-кобра Уаджит, покровительница власти фараона), с приставной бородкой и каменным лицом, сидел на позолоченном сиденье, рассматривая толпу в поисках Артавазда.

Было шумно и оживленно. Народ сбегался посмотреть на пышную процессию. Все склонялись в глубоком почтении: простые смертные созерцали божество. Ему нужно поклоняться, но главное – оберегать, чтобы не навлечь страшные бедствия и гнев богов. Перед носилками шли стражники и жрецы, за носилками – высшие сановники государства. Не было лишь царицы и верховного судьи. Рабы замыкали шествие, ведя священного белого быка и жертвенных животных.

Серапеум являл собой самый большой и величественный из всех храмов Александрии. В нем установлена огромная статуя бога Сераписа из черного диорита, а также располагалась большая библиотека, вторая по значимости после Александрийской. Окруженный колоннадой, этот храм был хра-

нилищем непревзойденных произведений искусства: древние статуи всех египетских богов, яркая, неординарная, покрытая слоем лака и смолы живопись. Бог Серапис (на его голове стояла мерная пшеничная корзинка) даровал изобилие и плодородие, повелевал подземным царством и загробной жизнью и, соединяя в образе человека черты египетских богов Осириса и Аписа, выглядел как грек, что было привычнее для эллинов, управлявших Египтом. Культ этого божества Александр Македонский вывез из Вавилонии. Умирая, Александр молился именно ему.

У входа в храм процессия остановилась, фараон, держа в руках жезл Сехем, слез с носилок и ждал. Подошел главный жрец. Поклонившись, он произнес:

– Жертвы богу принесены, ты можешь войти и получить предсказание.

Своим приближенным Птолемей громко объявил:

– Я хочу помолиться верховному богу – покровителю моей династии. Всем ждать здесь, я войду один!

Он поднялся по ступеням храма и вошел внутрь. Дверь за ним с грохотом закрылась. Жрицы, стоявшие у статуи, поклонились небожителю.

– Мои просьбы по вопросу жизни и смерти Серапису, – с раздражением обратился правитель к главному жрецу, – никто не должен слышать. Всем покинуть зал, в том числе тебе, великий провидец. И никого сюда не пускать!

Жрецы в замешательстве от сурового взгляда правителя

(по поверью, взгляд фараона мог испепелить человека) подобо-
бострастно поклонились и ушли. Оставшись в одиночестве,
Птолемей посмотрел на каменное изваяние бородастого муж-
чины, облаченного в тунику и обутого в сандалии, и подум-
мал о странном творении скульптора по заказу правителей
из династии Птолемеев.

– О великий! – начал молитву Птолемей, совершая обряд
воскурения и возлияния. – Ты отвечаешь за стабильность
и непрерывность власти моей династии. Я принес жезл Се-
хем, чтобы твоя мудрость излилась на меня. Проявляя тер-
пимость к верованиям туземцев, я продолжаю чувствовать
их враждебность, а также злобность царедворцев. Мое по-
ложение неустойчиво. Как мне поступить – усилить репрес-
сии или смириться? – вглядываясь в лицо божества, он ждал
знака.

– Будь мужчиной! – вдруг раздался голос. – Ты бесхарак-
терный и изнеженный, а люди уважают сильных. Прими ре-
шение и жди неизбежного!

– Артавазд! – Птолемей узнал голос.

Из-за статуи божества с головой ибиса (бога мудрости То-
та) вышел армянский царевич.

– О! – вскричал фараон. – Я уже потерял надежду увидеть
тебя, единственного человека, на которого могу положиться!

– Меня и мою спутницу в твоём дворце пытались убить,
но мы смогли уйти. – Артавазд привлек к себе Калестриду,
обхватив ее за талию. Она пряталась за статуей богини Иси-

ды, защитницы и покровительницы народа.

Птолемей был расстроен:

– Это все происки Трифаены. Я сам нахожусь в постоянном напряжении, не могу расслабиться ни днем, ни ночью, ожидая удара в спину. Моих врагов пока останавливает лишь страх перед гневом богов. Что же делать? – он смотрел на Артавазда с надеждой.

Армянский царевич объяснил:

– Нужно найти Свиток творца! Он хранится в подземелье этого храма. На этот счет есть точное указание богов.

Птолемей растерянно смотрел на него. Вступила в разговор Калестрида:

– Армянский царь Тигран общается с миром богов и духов. Я сама убедилась в этом, так что верь Артавазду.

Царевич сказал:

– Когда отец был в Египте, главный жрец Великого храма в Мемфисе Пшериниптах поведал ему о Свитке, чьи заклинания помогут извести нечисть в твоём царстве.

Амазонка дополнила слова друга:

– Царица Трифаена и главный судья знают о Свитке и тоже ищут его.

Птолемея осенило:

– Теперь понятно, почему в этом храме жрецы со всего Египта любят проводить свои собрания!

Артавазд вселил уверенность в фараона:

– Птолемей, Сехем укажет местонахождение свитка.

Знать, значит уметь! Вперед!

Троица, прихватив масляные лампы, двинулась по наклонному пандусу в склеп, где был установлен саркофаг священного быка Аписа, земного воплощения бога Птаха.

Птолемей, осмотрев помещение, разочарованно произнес:

– В склепе нет дверей...

Артавазд обошел вокруг большого черного гранитного саркофага, отшлифованного с невероятным мастерством, и предложил:

– Давай откроем крышку саркофага!

Они навалились на крышку, та со скрипом сдвинулась.

Фараон воскликнул:

– Внутри лестница, уходящая вниз!

Артавазд помог забраться в саркофаг правителю Египта и амазонке, потом залез сам, и все трое, освещая дорогу факелами, спустились в подземелье. Они шли долго, и казалось, что туннель, прорытый в песчанике, никогда не закончится.

– Птолемей! – вдруг крикнула Калестрида. – Взгляни на свой жезл: камни стали светиться!

Фараон изумленно посмотрел на Сехем. Действительно, «глаза» – стеклянные камни, вделанные в бронзовый жезл, – светились тусклым красным светом.

Птолемей боязно молвил:

– Бог наблюдает за земной жизнью фараона...

– Мы идем в правильном направлении, – уверенно сказал

Артавазд.

Вошли в ротонду с колоннами. Из нее ветвились два коридора. Двинулись в левый – «глаза» потухли, вернулись и пошли в правый – «глаза» загорелись. Птолемей нес жезл на вытянутой руке, поражаясь божественной силе, ведущей людей к открытию. Здесь, в катакомбах Серапеума, он испытывал восторг: бог передает ему свою волю! Фараона переполняло восхищение от происходящего. После своей смерти он, несомненно, присоединится к одной из звезд на небосклоне и станет бессмертным. Его путешествие в другую жизнь инициирует возрождение... если конечно никто не сотрет его имя на стенах храмов. Он написал свое имя иероглифами везде, во всех храмах, чтобы обрести вечную жизнь. В Египте верили: изображая предмет или имя, вдыхаешь в них жизнь, а сотри чье-то имя или напиши рядом иероглиф «зло», это помешает уйти в вечность.

Артавазд, заметив мечтательную задумчивость фараона, попросил:

– Сосредоточимся на цели нашего пути.

Они оказались в другой ротонде с колоннами. Коридор разветвлялся в три разные стороны. И вновь в одном из туннелей «глаза» на жезле ярко загорелись, помогая людям выбрать правильное направление.

В приземистом колонном зале, где они оказались, стены были покрыты яркими рисунками и рельефами.

– Боги со стен смотрят на тебя, Птолемей. Поприветствуй

их! – Артавазд с восхищением смотрел на творение древних мастеров.

Дальнейший путь преграждала стена с цветным рельефом по камню: бог Ра в короне, украшенной уреем, плывет на священной ладье, восседая на золотом троне. На носу солнечной ладьи, гордо вскинув головы, стоят две богини. В свите еще есть бог с головой ибиса, держащий развернутый папирусный свиток, а также бог с головой крокодила. На ладье примостилась обезьянка. Слева и справа от этого рельефа высечены стражники.

Ошеломленный Птолемей испуганно таращился на изображение:

– Мы у каменных врат... их охраняют два привратника...

Артавазд попробовал пофантазировать:

– Похоже, ладья подплыла к каменным вратам и остановилась.

Могущественный амулет Уаджет, делая мысли царевича ясными, позволял анализировать ситуацию в нужном направлении. Несомненно, чтобы неумолимые стражи пропустили ладью, нужно знать магическое заклинание или...

– Это врата бога Осириса, – обеспокоенно произнес Птолемей, – за ними царство мертвых Дуат.

– Не может быть! – с тревогой в голосе воскликнула Калестрида. – Просто очередные ворота в следующий зал, их нужно пройти... Смотри, глаза на жезле горят значительно ярче!

Фараон обреченно проговорил:

– Лучше повернуть назад...

Царевич ободрил его:

– Птолемей, боги привели нас сюда, потому что хотят твоей победы над врагами. Неужели отступим? Нет, только вперед!

Птолемей, не читавший священный папирус «Книга мертвых» (было недосуг), все же уяснил: заклинания нужно произносить наизусть, слово в слово, чтобы благополучно миновать все преграды. Еле слышно он пробормотал:

– Я даже не знаю имен привратников, стражей Дуата...

Артавазд успокоил молодого фараона:

– Тобой овладел мистический ужас. Это ничего.

Царевич сильно засомневался в способностях фараона, но выхода нет, нужно ему придать уверенности. Царь Египта так долго окружен религиозными сюжетами, что поверил в одушевленность предметов и событий. Соприкоснуться с богами – уникальный опыт, практически недоступный человеку. Только избранные, такие как царь Тигран, имеют возможность участвовать в слиянии сакральной власти и высших сил.

Поднимая дух товарища, Артавазд продолжал мотивировать его:

– Возьми себя в руки! Ты избран! Это просто очередное препятствие. Мы должны его преодолеть!

Птолемей, одолев суеверие, дал себя уговорить:

– Ну хорошо, что дальше?

– Всего лишь отгадать загадку, – сказала Калестрида.

Ворота закрыты, это ясно. Выдвигая идеи как открыть проход, друзья зажгли масляные светильники на треножниках в зале: в помещении стало светло. Птолемей ходил взад-вперед, нервно поглядывая на изображение ладьи с богами. Низкая самооценка сказалась на результатах его изысканий:

– Нет, разгадать это невозможно! Ничего не получится!

Мне не суждено подняться до уровня богов...

В состоянии опустошения, подавленности и беспокойства ему обычно помогала игра на флейте. Недаром за ним закрепилось прозвище Флейтист. Вот и сейчас, теряя контроль над мыслями, египетский царь грустно смотрел на картину в камне. Чтобы успокоиться, он достал из кармана плаща флейту и заиграл. Звуки инструмента, высокие и гармоничные, обычно его успокаивали, заряжая позитивной энергией и очищая пространство вокруг от всего негативного. Звучала мелодия «Солнце пустыни». Он всегда ее наигрывал в минуты депрессии. Прислонившись к колонне, Птолемей случайно локтем задел небольшой выступ. Внезапно раздался щелчок, в полу открылся люк, и оттуда поднялся каменный столик с алебастровой доской-палеткой и фишками. Как ужаленный отскочив от колонны, фараон с опаской посмотрел на столик:

– Игра сенет?! Боги предлагают сыграть с ними в сенет?

Артавазда осенило:

– Игра сенет поможет открыть ворота! Уверен, в ней заключен тайный шифр.

Доска с клетками три на десять, и в каждой клетке – иероглифическое написание имени того или иного бога. Всего тридцать. Но фишек-то семь!

Вид Птолемея выражал безнадежность:

– Эту игру я знаю, ее изобрел бог Тот. Естественно, постичь замысел бога невозможно, тем более что здесь неполный набор: не хватает фишек и нет четырех палочек.

Калестрида с уважением посмотрела на царевича:

– Отгадывать загадки по части Артавазда. Птолемей, объясни, что изображено на стене.

Фараон грустно покачал головой, ведь вся египетская мифология – сплошная загадка. За четырнадцать лет на троне он кое-что уяснил: египетских богов также много, как звезд на небе. Разгадать загадку, значит, истолковать сцену на рельефе. Раздраженный и озадаченный Птолемей не понимал как все в сценке связано. Артавазд, взяв фишки в руку, уже приготовился расставлять их по нужным клеткам. Понятно, если правильно разместить фишки на доске, дверь откроется. Птолемей задумчиво взглянул на каменный рисунок, и вдруг начался мыслительный процесс малосведущего человека. Он обязан истолковать что видит!

Мифы в жизни египтян играют огромную роль: от богов зависит все, в том числе судьба человека. Итак, на троне сидит солнечный бог Ра. Это точно. На палетке есть его клет-

ка. Птолемей указал, а Артавазд поставил на клетку фишку. Божество с головой крокодила – это Себек, бог воды и разлива Нила, а с головой ибиса – бог Тот, создавший мир всего лишь одним своим словом. Их иероглифы имеются на доске. На нужные клетки были поставлены фишки. На носу ладьи стоит Хатхор – привлекательная женщина с рогами и солнечным диском между ними. На клетку с иероглифом Хатхор Артавазд поставил фишку. Женская фигура с головой львицы – богиня войны и палящего солнца Сохмет. Нашлось на игровой доске место и для нее.

– А обезьянка? – нетерпеливо спросила Калестрида.

Птолемей задумался и вдруг воскликнул:

– Постойте! Это сценка на стене напоминает мне миф о разливе Нила. Часто его слышал, да и сам пересказывал маленьким дочерям Беренике и Клеопатре.

У Калестриды появилась надежда:

– Птолемей! Возможно, в мифе и заключена разгадка шифра... Рассказывай, не тяни!

– Сказки и мифы я очень люблю...

Фараон говорил, а в головах друзей рождалась цепочка ассоциаций. Миф о разливе Нила повествовал о ссоре между Тефнут (богиня дождя и плодородия) и ее отцом Ра. На Египет вдруг обрушились засуха и мор. Причина: земледельцы в храмах благодарили не Тефнут, а Ра за свет и тепло, которое он дарит земле. Богиня обиделась. Если бы не ее дожди, зерно, брошенное в землю, не проросло бы! Обратив-

шись в львицу, она покинула Египет и бродила по нубийской пустыне, в ярости убивая людей. Сухая жара в царстве сделалась невыносимой. За любимой дочерью Ра послал бога мудрости и письма Тота. Этот бог славился хитростью и ловкостью. Обратившись в павиана, он отправился в Нубию, нашел богиню и, встретив недружелюбие, стал уговаривать ее вернуться. Тефнут, не желая слушать, сказала: «Уходи, или растерзаю в клочья». Бог Тот понял, что разумные доводы бесполезны, и, подумав: «Сильный часто бывает глупым. Применю-ка лесть против острых когтей», сказал вслух:

– Ты самая могущественная из богинь, а боишься меня, слабую обезьяну.

– Почему ты решил, что я тебя боюсь? – удивилась львица. Бог в обличье павиана ответил:

– Маленького скорпиона боятся все. Его либо убивают, либо люди от него убегают. А лев никого не боится, ему не нужно кого-то убивать, чтобы доказать свое могущество. Убивает тот, кто боится!

– Я не боюсь тебя, обезьяна. Я могущественная и отважная!

– Зачем же ты охотишься? Если вернешься, люди будут приносить тебе богатые жертвы: антилоп, козлов и прочую дичь... Хаос царит в долине Нила, а в твоих храмах не устраивают торжеств...

Львица подумала и сказала:

– Не ты заставил меня вернуться, я так решила сама!

Красивые девушки с тамбуринами (барабаны) и систрами (погремушки с колокольчиками) в руках вышли ее встречать. Омывшись в священном озере, превратилась львица в богиню Тефнут. Ра заключил ее в объятия. С приходом богини кончилась засуха.

Завершив повествование, Птолемей озадаченно посмотрел на царевича и амазонку. На их лицах отразилось: все это очень интересно, но мы ничего не поняли.

Калестрида спросила:

– Обезьянка, та что на фреске, – это павиан, который в то же время бог Тот, так?

– Да.

Артавазд в упор смотрел на фараона:

– Разлив Нила – это возвращение Тефнут. Ранее она перевоплотилась в львицу Сохмет, так?

– Ну да! Она еще может перевоплощаться в Хатхор, богиню с рогами, и в Уаджит, богиню-кобру.

Уаджит – божественное око Ра, на рельефе она на лбу Ра.

– Очень заковыристо, – заключил царевич. – Получается, на этом рисунке Тефнут в трех обликах?

– Ну да, – простодушно сказал Птолемей. – В божественном мире своя логика и смыслы.

Артавазд переставил фишки. Три фишки он передвинул на клетку Тефнут. С мудрым Тотом тоже не все ясно: то он ибис, то павиан. Не успел сын армянского царя поставить две фишки на клетку Тота и одну на крокодила, как раздал-

ся скрежет камня о камень, и тяжелая плита в стене, вся исписанная иероглифами, сдвинулась с места и ушла куда-то вглубь. Проход для людей в следующий зал открылся.

Царевич устало молвил:

– Недаром бог Тот на рельефе с папирусным свитком. Мы найдем что ищем!

Идемте!

Артавазд с друзьями, освещая путь факелом, первым вошел в следующий зал.

Глава 12. Свиток творца и чудовище Амат

Перед путниками предстал пещерный зал с воротами, стены его были покрыты иероглифами и картинами. Птолемей, изумленный и испуганный, произнес:

– Согласно мифу, подземная долина Нила разделена двенадцатью вратами...

Душа покойника, чтобы дойти до зала справедливости и предстать перед судом Осириса, должна миновать двенадцать провинций, соответствующих двенадцати ночным часам. Все врата охраняются страшными огнедышащими змеями и чудовищами. Двери открываются, если правильно назвать чудовище и произнести волшебное заклинание. Фараон был в отчаянии: заклятий не знал, имен демонов назвать не мог.

Калестрида воскликнула:

– Птолемей, «глаза» на жезле вспыхнули еще ярче, значит, свиток где-то здесь!

Правитель Египта беспомощно замотал головой:

– Мы никогда не пройдем все врата Дуата...

Послышался приглушенный рев из-под земли.

У Птолемея расширились глаза:

– Это рычит Апоп... Вы не представляете, с кем столкну-

лись... Огромный змей... Повелитель злых сил... – Запаниковавший царь отступил: – Мы не боги, чтобы биться с иполинским змеем! Уходим!

– Нет, стой! – Артавазд, пытаясь овладеть ситуацией, схватил египетского царя за руку: – Свиток где-то здесь! Жезл! Так ярко «глаза» еще не горели... Тайник здесь! – Он стал осматривать пещерный зал: – Птолемей, Калестрида, ищите знаки, сочетания иероглифов, графические изображения... Должно же быть что-то!

Фараон с опаской семенил за Артаваздом, так и не обрета душевного равновесия. Его парализовал ужас, а увидев в проеме ворот изображение змея, он запричитал:

– О великий владыка Дуата! Я пришел к тебе, дабы обрести в твоём царстве блаженство и покой. Я безгрешен, я безгрешен...

Внезапно он замер, уставившись на фреску над воротами. Два изображения бога Тота с инструментами для письма: одно божество с палеткой, другое с палочкой. На первом божестве корона Хемхемет (кобра, рога, солнце и перья), глаз открыт, на втором – Лунная корона (полумесяц), глаз закрыт. Между божествами – страусовое перо.

Подошел Артавазд:

– Что тебя удивило, Птолемей?

– Глаз открыт – глаз закрыт!

Артавазд заинтересовался:

– Действительно, необычно. Что это может означать?

– Возможно, намек на равновесие. Бог Тот всегда все уравнивает... – к фараону снова вернулась самообладание.

– А при чем тут страусовое перо?

– Это не перо, это богиня Маат.

Артавазд пригляделся к изображению внимательнее, а Птолемей внезапно разразился тирадой. Оказывается, Флейтист неплохо знал египетскую мифологию. Бог Тот создал мир словом, а божественное слово дает расчленение хаоса. Создание баланса стихий и есть равновесие. Бог Тот творит и разделяет, создавая равновесие. В первую очередь бог разделил небо и землю, тьму и свет. Великая богиня Маат провозглашает торжество порядка над хаосом, воссоединяя небо и землю. Она супруга бога Тота. Хорошая пара: правда и мудрость...

Артавазд воскликнул:

– Ищем символы стихий и пространств!

Все немедленно разошлись по пещерному залу, рассматривая рисунки, рельефы, иероглифы. Вдруг царевич резко остановился: его осенила мысль.

– А знаете, что означает открытый глаз? Это день, а глаз закрытый ночь. Ищите символы дня и ночи!

Птолемей ходил по залу, всматриваясь в рисунки, и молился: «Взываю к тебе, о великий Тот, почтенный ибис! Ты второй после Ра, ты вершитель судеб, защитник от демонических сил, могущественный в речах. Ты создал мир словом,

ты залог равновесия. Дай мне то, что я ищу во имя процветания моей страны...»

– Есть! – радостно воскликнула Калестрида, указывая на каменную плиту в стене.

Мужчины подбежали и увидели рисунок: богиня Маат, символизирующая собой истину, божественный порядок и вселенскую гармонию, в парике, обвязанным красной лентой, со вставленным священным пером страуса, стоит с поднятыми руками, указывая на солнце и звезды.

– Это здесь! – Артавазд, взволнованный и сосредоточенный, вынул из ножен кинжал и стал очищать швы вокруг камня. – Истина нам откроется, только нужно расчистить завалы заблуждений...

Калестрида помогала ему своим кинжалом. Каменная плита все более четко выделялась на фоне стены. Когда все швы были очищены, а лезвия кинжалов легко вошли в зазор между камнями, плита подалась. Все трое осторожно опустили ее на пол и заглянули в отверстие в стене.

– Там что-то есть, – таинственно сказал Птолемей и, просунув руку, достал небольшой сверток.

Он торжественно и медленно разворачивал льняную ткань с восторженной улыбкой первооткрывателя. Когда плотно было снято, все увидели небольшой цилиндр – плотно свернутый в трубочку наподобие папирусного свитка золотой лист. Осторожно развернув небольшую часть послания бога, люди поразились: на обеих сторонах нанесено немис-

лимое количество иероглифов и других знаков.

– Свиток творца! – воскликнул Артавазд.

Бережно взяв в руки вещь, созданную богом, он вертел и рассматривал золотой цилиндр, с великим почтением пытаясь разгадать волшебные письма, ему непонятные. Собрание заклятий и магических формул, позволяющих любому стать великим провидцем! С этой рукописью можно постичь магическую силу, обрести совершенный дух и власть над природой и людьми.

– Невероятно! – ахнул Птолемей. Со злорадной усмешкой он воскликнул: – И пусть теперь Трифаена попробует меня послушаться!..

В тишине зала вдруг прозвучал неприятный женский голос:

– Ослушаться ничтожество – самое малое, что может сделать умная женщина!

На пороге зала стояла Трифаена. Она вошла, за ней следовали верховный судья и человек десять стражи.

Со злостью в голосе она произнесла:

– Я давно следила за тобой, Птолемей, и ждала, когда ты, мелкое и ничтожное существо, приведешь меня к тайнику бога Тота. О, я жаждала получить свиток, а с ним и власть, и силу. И вот этот день настал!

Артавазд, обнажив меч, сделал шаг вперед:

– Птолемей, возьми свиток и никому не отдавай. Он твой! Мы сумеем за себя постоять!

Калестрида, всегда охотно ввязывающаяся в драку, встала перед фараоном, а самоуверенная и властная Трифаена с ядовитой улыбкой на лице прошла по залу, расточая аромат фиалки, мускуса и сандала. Выглядела она потрясающе: черные волосы, как у богини Исида, свободно спадали по обе стороны от пробора (это был парик), подвитые и закрученные спиралями пряди подчеркивали красивый подбородок и четко очерченные скулы, на голове красовалась золотая диадема с уреем, шею украшало драгоценное ожерелье, тело облегал длинное плиссированное платье-калазирис из красной ткани, а легкий прозрачный плащ создавал вокруг женщины облако тайны. Уверенная в своем превосходстве и победе, жена фараона громко провозгласила:

– Только я достойна владеть этой вещью! И знаешь почему? Я сакральная царица, истинный небожитель и земное воплощение богини Исида, – она высокомерно смотрела на мужа и его друзей. – Моя прародительница, великая царица Египта Арсиноя, – дочь бога. Ее почитают во всех храмах как богиню, и только ей было дозволено носить на короне двойной урей.

Артавазд, достав из кармана плаща зеленую цилиндрическую печать, приготовился произнести заклинание:

– Я знал одного твоего родственника, Антиоха XIII. Мы мило побеседовали с этим потомком Арсинои.

– Ах Антиох... Он слаб и беспомощен, имеет недостаточно чистую кровь, кстати, как и его мать, царица Селена, кол-

довство которой было низкого сорта. Твой отец Тигран легко пленил ее, а потом казнил. – Насмешливо взглянув на зеленый цилиндр, Трифаена залилась хохотом: – Твоя уловка с печатью на этот раз не пройдет! Моя энергия разрушает догмы, подчиняет себе не только людей, но и темные силы. Я земное воплощение богов, созданная повелевать и владеть!..

– Капризная и упрямая мерзавка, – сквозь зубы процедил Птолемей. – Ты готова принести в жертву всех, лишь бы насытить свое неумное самолюбие и погрузить мир во тьму. Ты служишь демону!

– А ты, муженек, самый бездарный и никчемный человек, когда-либо мною встреченный. Одно слово: флейтист!

Артавазд начал крутить в ладонях печать, произнося заклинание:

– О колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!

Птолемей с ужасом смотрел на свою жену, Калестрида, держа в поле зрения стражников, с иронией наблюдала за этой сценой, а Трифаена, прогуливаясь мимо них и шурша облачным плащом, говорила с усмешкой:

– Артавазд, не трать понапрасну время, отдай мне свиток, и я сохраняю тебе жизнь. Не хочу, чтобы трон Великой Армении потерял наследника.

– Ты никогда не получишь свиток, – спокойно сказал царевич, а потом, осознав бесполезность применения печати и

заклинания, воскликнул: – Мы будем биться!

– Убить их!! – взвизгнула Трифаена.

Стража ринулась в бой. Артавазд сражался сразу с четырьмя врагами. Каждый египетский солдат бился изогнутым мечом хопеш, но булатный меч царевича успешно отбивал яростные атаки противника, и два египтянина были повержены в самом начале схватки. Калестрида выхватила свое секретное оружие – тончайшую плетъ конского волоса, ранее скрытую в изгибах узора меандр, окаймляющего ее белую тунику, и, умело действуя, не подпускала к себе шестерых стражей.

Трифаена, подтолкнув верховного судью вперед, приказала:

– Иди и отними свиток у Птолемея!

Судья неловко стал обходить место схватки, постепенно приближаясь к фараону и протягивая к нему свои крючковые руки. А царь, забившись в угол и держа в руках свиток, трепетал от страха. Его, как всегда, парализовало чувство безнадежности, в глазах отражался ужас. Сознывая свою беспомощность, фараон вытянул свободную руку и оттолкнул судью. От несильного толчка судья попятился назад, чуть не упав. Птолемей внезапно почувствовал, как волна необычных ощущений пробежала по его телу, организм приобрел новые возможности, мозг сконцентрировался на главном, мысли побежали быстрее. Обладатель свитка явно получал совершенный дух и необыкновенный разум.

Увидев, как успешно отражают атаки его друзья, фараон выпрямился, надменно посмотрел на судью и начал его дразнить, протягивая свиток. Как только судья потянулся за цилиндром, Птолемей, как заправский фокусник, с помощью ловкости рук в одно мгновение заставил свиток исчезнуть, предъявив злодею синий платочек. Раздосадованный судья с лицом, искаженным от злобы, шагнул вперед. О, он не знает, что Птолемей досконально постиг узелковую магию! Соблюдая ритуал, фараон завязал на платочке первый из семи узлов, позволяющий освободить магическую силу. Прозвучали волшебные слова:

– Вселенная и боги управляют жизнью на Земле!

Вельзевул немедленно остановился в паре шагов от него.

– Человек как часть Вселенной влияет на земные события! – Птолемей завязал второй узелок.

Судья склонил голову влево и уставился на говорящего.

– Великое всегда в малом!

Судья склонил голову вправо, а фараон завязал третий узел.

– Зло всегда в большом! – Птолемей завязал четвертый магический узел.

Вельзевул вдруг упал на колени, открыв рот в немом крике.

Трифаета, пораженная возможностями свитка, смотрела на происходящее как зачарованная. В это время Калестрида резким движением руки сорвала с головы кожаную

ленту-пращу, и в стражников полетели металлические шары. Ловко снимая с себя снаряжение, амазонка пустила в ход браслеты-дротики, кольца-скараabei с шипами, серьги с метательными звездочками и кулон-жало. Уложив пятерых, она выхватила из ножен меч и в паре с Артаваздом пошла в наступление на оставшихся троих солдат.

К Птолемею вернулась уверенность:

– Все находится в непрерывном водовороте поиска! – пятый узел был завязан.

Вельзевул обмяк, его голова упала на грудь, глаза закрылись.

– Все зарождается снова и снова! – фараон завязал шестой узел на синем платке.

Судья свалился на пол и не подавал признаков жизни.

– Конец один: все подлежит уничтожению! – седьмой магический узел был завязан.

Над телом верховного судьи взвилось облачко пара. Вельзевул начал таять и, наконец... исчез совсем. Трифаена, ужаснувшись, посмотрела на мужа так, словно хотела испепелить его взглядом, но, привыкшая подчинять себе и обстоятельства, и людей, призвала самообладание и сдаваться не собиралась.

Бой со стражниками подходил к концу: Артавазд сделал обманное движение и поразил мечом последнего из них. Его внимание, как и Калестриды, теперь привлекла Трифаена. Царица, подняв над головой скипетр в виде цветка лотоса,

вращала им и творила заклятие:

– О великая Исида, та, у которой тысяча имен и безграничная власть над миром, сильнейшая и могущественная из богинь, покровительница магии и волшебства! Взмахни крылами, направь на нечестивцев ветер и ядовитого змея!..

В зале появился ветерок, движение воздуха усиливалось, вокруг Трифаены возник вихрь; разрастаясь, он достиг трех друзей. Они переглядывались, не зная, что предпринять, ведь магию может победить только магия. В проеме двери показался большой змей необычного окраса – чередование черных, желтых и красных полос. С высунутым двойным языком он вползал медленно, огибая камни и плиты, и укладывался кольцами вокруг царицы. Огромная черная пасть змея с двумя ядовитыми клыками наводила на друзей невыразимый ужас. И тут медленно, протяжным шагом вступил в зал великий бог Анубис – божество Египта с головой шакала и телом человека-атлета. Он встал рядом с Трифаеной, приготовившись вести грешников на суд в загробный мир.

Артавазд и Калестрида отпрянули в испуге, Птолемей, вновь потеряв самообладание, на подкосившихся ногах опустился на пол. Фараона охватили отчаяние и оцепенение, накатила безысходность. И, как обычно, из этого состояния царя могла вывести только флейта. Чтобы уйти от действительности, он достал инструмент и заиграл. Полилась завораживающая мелодия «Солнце пустыни», выражающая всю гамму эмоций, накативших на молодого властителя. Играя на

флейте, Птолемей уходил в другое измерение, переключал свое внимание с реального мира на фантастический, даря себе минуты наслаждения чарующими звуками...

Раздался шорох. Из дальнего темного угла показалось отвратительное чудовище, медленно, в такт музыке бредущее на середину зала. Пожирательница Алат, богиня возмездия за грехи, в образе гиппопотама, с головой крокодила, львиными лапами и косматой гривой, шаркая, тяжело дыша, шествовала мимо фараона. Она почуяла запах царицы, погрязшей в злобе, зависти, жадности и гордыне.

Трифана в нетерпеливом ожидании, с широко открытыми глазами, все еще надменная, статная и уверенная в себе, продолжала держать над головой жезл, призывая духов и вихри подчиниться. Алат все ближе и ближе подбиралась к ней, и вдруг, широко разинув пасть, молниеносно проглотила царицу. Все вздрогнули. Вихрь прекратился. Фараон, в ужасе уставившись на чудовище, перестал играть. Алат медленно повернула голову в его сторону. Калестрида всем телом подалась вперед, указывая на флейту, Артавазд открыл рот, пытаясь крикнуть: «Играй!» Встрепенувшись, Птолемей приложил флейту к губам – раздался резкий звук, словно вскрик чайки. Алат неуклюже развернулась и в упор посмотрела на фараона. Запаниковавший Птолемей закрыл глаза, приготовившись к смерти, но некая сила заставила его вновь поднести флейту к губам и заиграть прежнюю мелодию...

Сначала растворился в воздухе образ Анубиса, затем уполз змей, а потом и Амаат двинулась в обратный путь. Чудовище, прошуршав когтистыми лапами рядом с царем Египта, играющим с закрытыми глазами на флейте, мирно проследовало в свой темный угол и исчезло.

Наступила тишина. Птолемей открыл глаза.

– Спасение, – выдохнул он, опустив флейту.

– Надо признать, это было опасное спасение, – Калестрида все еще переживала случившееся.

Артавазд, вложив меч в ножны, обнял амазонку и помог встать Птолемею:

– Спасение приходит к тем, кто верит и не теряет самообладания.

Достав Свиток творца из кармана плаща, фараон пытливо посмотрел на него:

– Эта волшебная вещь должна находиться в надежных руках, иначе недалеко до беды. Я помещу ее в тайник...

– Папа, что это?

Слова эхом разнеслись по залу, поразив царя как удар молнии. Он обернулся: в проеме двери стояла его трехлетняя дочь Клеопатра, одетая в красное плиссированное платье-калазирис, с детским черным париком на прелестной головке. В руке она держала игрушечный скипетр в виде лотоса. Эта девочка, Клеопатра, повзрослев, заставит говорить о себе весь мир и прославится благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию...

– Доченька, что ты здесь делаешь?

– Я искала маму! – в глазах маленькой Клеопатры сверкнули красные огоньки.

– Дорогая!.. – у Птолемея слезы выступили на глазах. Он подошел к дочери и нежно поцеловал в лобик. – Мамы здесь нет. Пойдем в дворец! – и, обернувшись к друзьям, не скрывая своего удивления, сказал: – Вся жизнь – чудеса. Мы о них не подозреваем, но рано или поздно они происходят.

Держа девочку за руку, изнуренный, но довольный, он пошел обратно к свите, чтобы теперь безраздельно править страной.

На другой день в тронном зале фараон уверенно, гордо и с надменным лицом восседал на золотом троне в окружении вельмож и принимал армянских дипломатов. На его голове поверх платка немес с золотыми коброй и стервятником красовалась сдвоенная корона пшент – сочетание красной дешрет и белой хеджет, что символизировало мощь фараона и единство египетского государства. В одной руке Птолемей держал золотой цилиндр, в другой жезл Сехем. Рядом, на маленьком золотом троне, сидела его одиннадцатилетняя дочь Береника. Ее волосы были уложены в прическу, украшенную калафом – солнечным диском между коровьими рогами. Около старшей сестры стояла трехлетняя Клеопатра, одетая как Исида, богиня-покровительница детей. Головным убором малышки был игрушечный трон. Все в Египте верили, что именно богиня Исида предоставляет трон фараону.

– О мой друг Артавазд! – начал Птолемей, как только царевич с амазонкой вошли в зал. – Познакомься: мой соправитель Береника. Традиция требует править вместе с соправителем. – Он с умилением посмотрел на старшую дочь. – Мы продолжим прежнюю внутреннюю и внешнюю политику ради расцвета Египта, не так ли, дорогая?

Девочка промолчала. Ее лицо было бесстрастно и непроницаемо.

Артавазд поклонился:

– О великий, я ни в коей мере не сомневаюсь в твоей избранности и способности творить благие дела. Но мир вступает в полосу кризиса...

– У меня есть то, что даст процветание стране, – хитро улыбнувшись, сказал Птолемей. – Наконец боги раскрыли мне что мешает древнему Египту достичь величия. Это – интриганы при дворе и бюрократический произвол на местах! – он с презрением посмотрел на своих министров; те потупили взоры. – С этим будет покончено! Мне мешают тратить деньги, я даже не могу мобилизовать ресурсы для строительства храма в свою честь. Враги царя будут уничтожены! – на лице фараона отразилась злость. Затем гнев сменился улыбкой: – Со мной Египет вступит в полосу процветания. – Фараон встал: – Я иду в сад, пусть меня сопровождает только Артавазд!

Гордо подняв голову, Птолемей походкой триумфатора прошеествовал к дверям зала. В саду, в тени жасминовых де-

ревьев, возвышались обелиск и статуя правителя. Обелиск из красного гранита символизировал связь с богами. Птолемей собирался править шестьдесят семь лет подобно Рамсесу II. Его подданные жили в три раза меньше, и они должны поверить, что фараон – воплощение бога на земле, и каждый человек обязан ему своим существованием.

– Почему у твоей статуи левая нога выдвинута вперед? – спросил Артавазд.

– Левая нога делает шаг за грань земного мира.

– Понятно. Здесь ты изображен молодым, отважным и сильным. Соперничать с фараонами, царствующими до тебя, ты мог бы в случае отказа от чрезмерного чревоугодия и вседозволенности. Извини за прямоту.

– Ты пристрастен, – Птолемей обиделся. Затем, пройдясь по саду, сказал: – Я изменился, Артавазд. Хочу получить наивысшую степень сакральности, дабы объем почестей живому царю превышал почести усопшим Птолемерам. У меня есть план! – Он сильнее сжал в руке золотой цилиндр: – Я налажу торговые пути и начну разработку золота в Нубии.

– Имея Свиток творца, верю, ты постигнешь замысел богов, и твои планы воплотятся в жизнь, – с поклоном сказал Артавазд, но на его лице тут же отразилась озабоченность: – Государь, Рим до сих пор не признал тебя царем и присматривается к твоим владениям...

– С таким союзником, как Великая Армения, мы отразим нападение любого агрессора. Рад, что наследник армянского

престола горячо печется о делах моей страны.

Артавазд, понимая, что Флейтиста трудно вразумить, все же попробовал:

– Я бы советовал выплатить Риму шесть тысяч талантов, чтобы тебя признали царем. Нельзя допустить, чтобы власть в Египте захватили римляне.

– Чудовищная сумма! – вскричал Птолемей. – Такая выплата грозит стране увеличением налогового бремени, деньги обесценятся, начнется смута...

Артавазд возразил:

– Либо ты спишь спокойно, либо ведешь войну, яростную и разорительную.

– Я подумаю...

– И еще. Чтобы исключить возможность политических беспорядков, как можно скорее объяви наследника престола, – посоветовал армянский царевич.

– У меня две дочери, Береника и Клеопатра... Нужен сын.

– Древние заклинания и формулы, магия и священные знания – все теперь доступно тебе, обладателю свитка бога Тота! – Артавазд поклонился. – Разгадать волю богов и понять, что предначертано человеку, доступно либо великому, либо кудеснику.

– Обожаю волшебство! – фараон глубоко вдохнул аромат жасмина. Восхищенно посмотрев на небо, протянул Артавазду жезл: – Возьми Сехем! Свиток останется у меня и, если со мной что-нибудь случится, с помощью жезла ты всегда

найдешь тайник.

Они обнялись. В тот же день Артавазд и Калестрида отбыли в Армению.

Глава 13. В Армении происходят странности

Античный мир воевал повсеместно и постоянно, применяя все более изощренное оружие: стреляющие камнями, стрелами и горящими снарядами катапульты; напичканные хитроумными устройствами боевые башни на колесах; кромсающие противника на поле боя серпоносные колесницы; «греческий огонь» – сжигающие корабли, деревянные строения и людей огнеметы. Спарапет (высшее воинское звание) Мамиконян, верховный полководец Великой Армении, выдающийся военачальник могучего телосложения (ему царь доверил выработку военной политики и военное строительство) с решительным лицом и со знанием дела представлял государю новый вид оружия – разрывной снаряд, начиненный горючей смесью и камнями.

– Что это? – Тигран со свитой царедворцев, прибыв на демонстрацию последних образцов оружия, выложенные в ряд на столе, указывал пальцем на небольшие глиняные горшки с горлышком с фитилем, запаянные воском.

– Это граната! – спарапет взял в руку снаряд с матерчатым промасленным шнуром. – Его устройство – государственная тайна. Тебе все объяснит мастер Оганес.

– Государь, – начал мастер, – внутри глиняной оболочки

мелкие камни, как зерна плода граната, и горючая смесь из канифоли, серы, селитры и льняного масла. Поджигаем фитиль, дожидаемся, пока он почти сгорит, и метаем в противника.

– Очень интересно! – Тигран взглянул на Артавазда: – Сын, дадим возможность мастеру показать снаряд в действии?

Артавазд кивнул. На поляне за чертой города, куда прибыли царь Тигран с приближенными, все было готово для показа мощи новейшего оружия.

– Ну что ж, показывай! – сказал царь.

Оганес поджег фитиль, подождал и метнул глиняный сосуд далеко вперед. При ударе о землю раздался несильный взрыв, вырвалось слабое пламя, и полетели шагов на пять мелкие камни.

– Да-а... Не очень впечатляет, – произнес Тигран. – Кого же мы этим напугаем?

– Праща посильнее будет, – сказал азарапет Гнуни, придворный, ведавший финансами.

– Лук со стрелами превосходит это оружие, – вмешался начальник царской охоты Варажауни, мужчина крупного телосложения и немереной силы.

– Это изобретение не найдет себе применения, – заключил Кухбацци.

Тигран задумчиво посмотрел на недалёковидных соратников:

– Я бы не спешил с выводами. Надо усовершенствовать снаряд, и, возможно, он будет играть важную роль в бою. Так, Оганес?

– Да, государь.

– Что еще, Мамиконян?

– Архимедово паровое орудие, улучшенное твоим сыном и нашими мастерами.

Все прошли к пушке. На железной станине лежала длинная медная труба, закупоренная с одного конца. Со времен Архимеда появилось усовершенствование – трубу на станине теперь можно вращать в разные стороны.

– Государь, – пояснял Мамиконян, – это орудие ведет огонь по противнику полыми глиняными шарами, начиненными зажигательной смесью.

Все уставились на блестящую медную трубу, способную плевать зарядами и производить оглушительный звук. Такое орудие должно вызвать панику в рядах противника: гром такой силы, что на ум приходит мысль о каре богов.

Артавазд, улыбаясь, сказал:

– Государь, разреши показать тебе орудие в действии.

– Покажи, сын!

Все отошли к столам с угощением и вином, расположенным на почтительном расстоянии от пушки. У орудия остались только Артавазд, Аршам и Вараж – способный юноша, усовершенствующий орудие. Трубу, вернее, ее закупоренный конец, нагрели, подбрасывая под нее раскаленные

угли. Вараж поднес к открытому концу трубы заряд – глиняный шар, начиненный зажигательной смесью, а Аршам приготовился заливать воду в нагретую часть орудия. Вода в раскаленной докрасна трубе должна испариться и, превратившись в пар, вытолкнуть ядро далеко вперед, к лесу. Гениальный Архимед, спасая родные Сиракузы от римлян, заставил работать огонь и воду.

Аршам, повинувшись неким крамольным мыслям, незаметно снял стопор, ограничивающий вращение орудия на железной станине.

– Огонь! – скомандовал Артавазд.

Вараж закинул в трубу глиняное ядро, Аршам залил внутрь воду, она начала испаряться, образуя мощный поток пара. Труба вдруг дернулась и, вопреки всем ожиданиям, под действием струи выходящего из нее пара стала со свистом вращаться на подвижной станине, набирая скорость. Артавазд, Аршам и Вараж бросились врассыпную. Раздался залп, будто над поляной прогремел трескучий гром при внезапной грозе. Снаряд, вылетевший из трубы, полетел в сторону царя и свиты. Все охнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.